

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Большаков

ДИВЕРСАНТ №1

Наш человек Судоплатов

Военно-историческая фантастика

Валерий Большаков

**Диверсант № 1. Наш
человек Судоплатов**

«Махров»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Большаков В. П.

Диверсант № 1. Наш человек Судоплатов / В. П. Большаков —
«Махров», 2016 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-699-88237-3

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлера «Позывной «Колорад». Наш человек Василий Сталин». Супердиверсант из будущего на Великой Отечественной. Легендарный Судоплатов, дожив до глубокой старости, переносится на полвека назад, оказавшись в собственном теле накануне войны. У него всего два месяца, чтобы убедить Берию и Сталина в скором нападении Гитлера и создать отдельные бригады Особого назначения — будущий Спецназ. Он должен не только подготовить лучших в мире диверсантов, способных обезглавить Третий Рейх с помощью снайперских засад и минных ловушек, но и ликвидировать «пятую колонну» во главе с Хрущевым. Гений спецопераций пустит под откос прежнюю историю, чтобы сталинский СССР стал единственной Сверх-Державой XXI века!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88237-3

© Большаков В. П., 2016
© Махров, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	34
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Валерий Большаков

Диверсант № 1. Наш человек Судоплатов

© Большаков В.П., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Пролог

Подмосковье, сентябрь 1996 года

По улице дачного поселка брел старик. Двигался он медленно, с усилием, тяжело опираясь на трость. Невысокий и коренастый дед был совсем седым, только брови оставались густыми и черными.

Его лицо с правильными чертами выглядело маской, в прорези которой смотрели внимательные карие глаза, но мягкая улыбка, сопровождавшая иной раз мысли старика, избавляла от подобной иллюзии.

Одет он был в простой серый костюм. К вечеру стало задувать, и старик накинул на плечи куртку. В нем еще чувствовалась бывшая армейская выправка, хотя в мундире деда никогда не видели – служба у него была такая, полагалось ходить в гражданском. Он носил звание генерал-лейтенанта МВД.

Старик с беспокойством глянул в сторону леса – там, над пильчатой стеной ельника, клубились тучи. Оттуда тянуло сыростью.

«Кажется, дождь собирается! Кажется, дождь собирается!» – крутилась в голове фразочка из мультика. А он зонтик не взял...

Генерал-лейтенант вздохнул. В пронзительно-синих сумерках блеснули зарницы.

Если гром и гремел, то его отголоски затерялись в тревожном шуме деревьев. Порыв ветра донес до старика ворох опавших листьев, взметнул их, закружил – и уронил бессильно. Генерал-лейтенант неуверенно остановился. Может, вернуться на вокзал? Еще две или три электрички на Москву должны быть, он успевает. Старик покачал головой. Опять на неудобные диванчики в зале ожидания? Хватит с него...

Когда в «Крестах» ему делали пункцию, доказывая вменяемость, то умудрились повредить позвоночник. С тех самых пор ему больно сидеть. Лучше уж пройти, до дачи совсем немного осталось. Генерал-лейтенант хмыкнул – ох и живуч человек...

В следующем году ему стукнет девяносто. Позади годы и годы борьбы, смертельной опасности, потерь и побед.

Операция «Утка», операция «Монастырь», операция «Березина»... А как отряд «Митя» жару немцам давал! Нет, есть что вспомнить... Но здоровье свое он потерял не на войне, не в подвалах гестапо, а в камере-одиночке Владимирского централа. Это там он ослеп на один глаз и заработал три инфаркта. Пострадать не от врагов, а от своих – вот что всего обидней! В тот роковой год, когда похоронили Сталина, он был в самом расцвете сил. Сколько пользы мог принести молодой, по сути, генерал-лейтенант! А его заклеили «пособником Берии» – и в тюрьму. Когда он вышел на волю, жизнь прошла...

Старик выпрямился, глаза его блеснули. Все так, да только сломать его у них не вышло. Таких, как он, легче убить. «Пособник»...

Да, на Сталине и Берии много крови, вот только они построили сверхдержаву, а что создали Хрущев с Маленковым, кроме спецдач, спецбуфетов, спецклиник и прочих радостей номенклатурного парадиза? Наивные «шестидесятники» рукоплескали Никите за XX съезд за разоблачение «культа личности», старательно не замечая того, как государство скатывается к убожеству. Существовал или не существовал культ – это спорный вопрос, но личность – была!.. Каких-то тридцать лет минуло, а все, что было нажито непосильным трудом советского народа, уже развалили, растащили, раздали, разворовали... И распался СССР.

Теперь полупьяный президент России отчитывается перед «вашингтонским обкомом», сколько стратегических бомбардировщиков порублено в лом, сколько заводов остановлено, продано за бесценок, разграблено, сколько тысяч ученых выехало за рубеж на ПМЖ... Иногда так горько бывает, нестерпимо просто, что плакать хочется.

Не дождетесь.

Последний раз у него слезы текли на похоронах жены. Уж восемь лет он один, без своей «генеральши»... Мысли описали круг и снова, как заевшая пластинка, вернулись к болезненным темам, что саднили душу и не давали покоя.

...«Перестройка» здорово напомнила генерал-лейтенанту события 1917-го, когда слабый и болтливый Керенский упустил из рук власть, а большевики, не будь дураки, подхватили ее. Так и Горбачев, напутствуемый Яковлевым и прочими либералами, растерял все позиции – сдал Западу Восточную Европу со всем, что там было понастроено, не вытребовав даже символической компенсации – отдал «безвозмездно, то есть даром»! (Господи, одни мультики на уме...)

Утратил «Меченый» всякий контроль над государством и допустил грозное крушение Советского Союза, президентом которого и года не побыл... Вряд ли путч ГКЧП, затеянный Ельциным, вытягивает на уровень Великого Октября, и уж точно не стоит сравнивать Бориса Николаевича с Владимиром Ильичом, но беда не в этом.

Если продолжать аналогию с первыми годами Советской власти, то ныне повторяются 20-е, с их разрухой, с разгулом криминала и прочими радостями неустроенной жизни. Вопрос: придет ли на смену продажным политикам человек настоящий и жесткий, могущий постоять за страну? Как тогда, после Ленина? Появится ли новый Сталин или хотя бы де Голль местного разлива? Ответа генерал-лейтенант не ведал.

Он вздрогнул, ощутив на лице холодную каплю дождя, навалился на трость, сжимая набалдашник, прибавил шаг. Вот и дача завиднелась...

Молния ударила под ноги, оглушая, застя поселок и лес ослепительным сиреневым сполохом. И упала тьма.

Глава 1

Пересадка

СССР, Москва, 15 мая 1941 года

В сознание он пришел от испуганного женского крика:

– Товарищ Судоплатов, что с вами? Вам плохо? Товарищ Судоплатов!

Старик хотел откликнуться, успокоить невидимую девушку шуткой – мол, в его возрасте хорошо не бывает, – но, открыв глаза, не смог сдержать изумления. Он вовсе не лежал на дачной улице, пораженный молнией и мокрый от дождя.

Генерал-лейтенант ощутил себя стоявшим на ногах, ну, разве что привалившимся боком к стене, а перед ним тянулся длинный коридор, отлично ему знакомый – немного сумрачный, хотя и пафосный коридор седьмого этажа знаменитого здания на площади Дзержинского.

Он очень ясно помнил и эту ковровую дорожку, и ряд дверей, и эту девушку – Аню Камаеву, слушательницу ШОН, Школы особого назначения в Балашихе. В «органы» ее направили по комсомольской путевке...

– Все хорошо, Анечка, – слабо улыбнулся старик, – заработался что-то...

Камаева сразу заулыбалась.

– А я смотрю, побледнели вдруг, да к стенке вас ка-ак поведет!

– Пронесло... Спасибо, что не бросили старика.

Аня засмеялась, отмахиваясь:

– Скажете тоже! Вам до старости еще – о-го-го, сколько!

Продолжая улыбаться, генерал-лейтенант двинулся по коридору. Ах, какой замечательный сон! Только во сне можно ощутить себя здоровым и полным сил. Не тащиться вдоль стенки, боясь упасть и не подняться без посторонней помощи, а уверенно шагать, не испытывая никаких, даже малейших, болей. И смотреть вокруг обоими целыми и зоркими глазами.

Счастье!

Навстречу браво прошагал Коля Мельников, улыбнулся дружески, а впереди мелькнула сутулая фигура Серова, зама Меркулова. Генерал-лейтенант сжал зубы. Это Иван Серов повсюду ходил за Хрущевым да подтирал за ним кровь. Сколько за Никитой трупов, никто точно не скажет – верный Ванюша постарался, обрубил все концы. И это они оба, Ванька с Никиткой, засадили его «на зону» – первый из зависти, а второй – со страху. Хрущева старик презирал, а вот Серова... Убил бы с удовольствием.

Отворив дверь 755-го кабинета – своего! – генерал-лейтенант переступил порог и приблизился к зеркалу.

На него смотрел он сам, Павел Судоплатов, только моложе на полвека. Взгляд метнулся к отрывному календарю, висевшему на стене.

15 мая 1941 года.

Павел Анатольевич с трудом сглотнул. Сердце глухо бухало, гоняя кровь. Ну, и пусть себе гоняет – миокарду еще долго не будет грозить инфаркт... Павел оскалился, просто ради того, чтобы полюбоваться ровными белыми зубами – в тюрьме их «съела» цинга.

Судоплатов до рези в глазах всматривался во все углы кабинета, но никаких странностей, размытости и несурязиц, обычных для сновидения или бреда, не обнаруживал – обстановка выглядела именно такой, какой была *тогда*. Окружающее виделось четко, как в реале. Он не помнил, что где лежит, но память, оказывается, все держала цепко и услужливо подсказывала: вот тут записная книжка с номерами телефонов, а вот в этом ящике – табельный пистолет.

Павел медленно присел на стул – нигде не резануло, не отдалось тупой болью по бедному хребту. Он с силой ударил по столу ладонью, просто, чтобы ощутить боль. Надавил на глаз,

и все, виденное им, послушно раздвоилось. Ну, признайся же себе, признайся! Ведь ты все понял сразу, еще когда услышал голос Аннушки! Что, боишься поверить? А чего тебе бояться, старый ты хрыч? Разочарования? Тебе без малого девяносто, какой тут может быть страх? Это в двадцать или даже в сорок можно мечтать о будущем, а у старцев просто нет времени для исполнения желаний – оно у них кончается.

А вот его мечта, похоже, сбылась. Наверное, потому, что мечтал он о прошлом. Если все, с ним случившееся, происходит взаправду, то ему даден небывалый, драгоценнейший шанс! Шанс проделать «работу над ошибками», исправив огрехи не только в своей жизни. Скольких друзей и товарищей он сумеет уберечь от гибели! А какие тайные операции затеять!

Решено.

Если Бог или Мировой Разум вернули его сознание, его душу в сорок первый, «подселив» в собственный организм, еще не отягощенный болячками, то он «оправдает высокое доверие». Может, это тот самый Гомеостазис Мироздания сработал? Неведомый человечеству закон природы исправил несправедливость, а Павел Анатольевич Судоплатов – всего лишь «сила противодействия»?

Да какая тебе разница! Главное, что ты молод, здоров, и борьба только-только начинается.

...Ему предстоит тяжелая и грязная работа – надо будет уничтожить врагов внешних и внутренних, чтобы одержать победу в мировой *бойне*, чтобы не случилось ни «застоя», ни «перестройки». Sic!¹

Спору нет, один в поле не воин, но, во-первых, биться он будет не только на поле боя, а во-вторых...

Кто сказал, что он один?

Судоплатов залез в сейф, порылся, и вытащил трофейный «Парабеллум». Выщелкнул обойму. Полная. Тщательно протерев ствол и каждый патрон, капнув масла в механизм, Павел собрал пистолет и сунул его в особую кобуру за поясом – под пиджаком не видно.

Достал цилиндр ПББС² к «Парабеллуму» и положил в боковой карман. Это не его табельное оружие, пистолет снят с тела немецкого офицера, застреленного в генерал-губернаторстве, как Гитлер велел именовать Польшу.

Может пригодиться...

К обеду Павел разобрался с делами. Порой он замирал, улавливая некий сбой – и ругал себя за «нервы». Померещилось тебе, старый дуралей! Никто – или нечто – и не думает даже возвращать тебя обратно, в грозу и старость...

Подойдя к окну, Судоплатов нахмурился.

Занозой торчало знание о 22 июня, но нет, убеждать он никого не собирается.

В эти самые майские дни, помнится, Герхард Кегель, советник германского посольства в Москве (агент Курт) докладывал о тайном приезде в Москву бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга, сообщившего послу, графу фон дер Шуленбургу, о том, что Германия усиленно готовится к войне с Россией. Бригаденфюрер отметил, что их ждет блистательный блицкриг и что «победа у фюрера в кармане».

А друг Кегеля, Курт Велкиш, корреспондент газеты «Бреслауер нойес нахрихтен» (агент АБЦ), передал в Москву донесение о переносе срока нападения на середину июня. Так что, если он и проговорится о начале войны, ему будет на кого сослаться. И все же никого уверять не стоит. Сталина раздражали сообщения советских шпионов о начале войны.

¹ Sic (лат.) – так; именно так; и никак иначе.

² Прибор для бесшумной и беспламенной стрельбы. Глушитель.

Не потому, что он не доверял Разведупру, а по иной причине – донесения частенько противоречили друг другу, даже у таких проверенных агентов, как «Рамзай» (Рихард Зорге), «Корсиканец» (Арвид Харнак) или «Старшина» (Шульце-Бойзен).

Так что не будем заставлять вождя нервничать...

Лучше всего будет начать готовиться к войне – буквально с сегодняшнего дня.

В прошлой жизни...

Судоплатов усмехнулся и покачал головой. Наверное, и годы спустя он не сумеет привыкнуть к тому, что с ним произошло сегодня. «Перенос сознания», или как это... явление еще назвать?

Но ладно.

В прошлой жизни его «непобедимая и легендарная» ОМСБОН – Отдельная мотострелковая бригада особого назначения – начала создаваться в конце июня, когда уже шла война. Нужно приступить к ее формированию сейчас же! До войны осталось чуть больше месяца – 37 дней, и многое можно успеть.

Необходимо успеть...

Рассеянно глянув на качавшийся маятник часов, Павел забеспокоился. Потерев лоб, он стал вспоминать. Попробуйте оживить в памяти конкретный день и то, что вы должны были тогда сделать, если минуло полвека! А Судоплатов вспомнил.

– Ах ты! – крикнул он в досаде.

Сегодня же Эйтингон возвращается поездом из Харбина! И он должен был встретить друга на Казанском вокзале...

Вот так и меняется история, – усмехнулся Павел, – от стариковской забывчивости.

Из доклада начальника Разведуправления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанта Голикова в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Высказывания, оргмероприятия и варианты боевых действий германской армии против СССР»:

«Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией.

За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз. Из всех высказываний, полученных нами в разное время, заслуживают внимания следующие:

1. Геринг якобы согласен заключить мир с Англией и выступить против СССР...

...

13. Среди немецких офицеров ходят слухи о том, что в феврале 1941 года в своем выступлении в «Спортпаласе» на выпуске офицеров Гитлер сказал, что у Германии имеются три возможности использования своей армии в 228 дивизий: для штурма на Англию; наступление в Африку через Италию, и против СССР.

...

Д) по сообщению нашего ВАТ из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года».

Глава 2

Канун

В дверь кабинета бодро постучали, и тут же заглянул смеющийся Эйтингон.

– Павлуша, здорово!

– Привет! – обрадовался Судоплатов. – Вернулся?

– Считай, вокруг света прокатился! И Шурочка со мной.

– Замечательно, просто замечательно! Садись, Наум.

Наум Исаакович – так звали Эйтингона. Правда, у чекистов было принято скрывать еврейское происхождение, поэтому Эйтингон числился Леонидом Наумовичем. Но не для друзей-товарищей.

– Сегодня я... – начал Павел и прикусил язык. Правду ведь не выложишь. – В общем, как сказал один шпион: «Жизнь дается лишь дважды». Сегодня я, считай, родился во второй раз. Извини, подробности опушу... Но это все мелочи, Наум. Главное... 22 июня начнется война.

Эйтингон подобрался.

– Та-ак... С немцами?

Судоплатов кивнул.

– Это уже точно?

– Точно, Наум. И надо бы нам как следует подготовиться к этому дню. Вот что заставляет меня дергаться! Нужно было еще с осени потихоньку организовывать секретные базы в Белоруссии и на Западной Украине – там, где пройдет линия фронта. Запасись боеприпасами, оружием, лекарствами, провизией – всем, чем надо, и дожидаться, пока гитлеровцы пройдут мимо. И вот тогда-то развернуться, организовать беспощадный террор в тылу врага – пускать под откос эшелоны, уничтожать живую силу, все, что отмечено крестом и свастикой!

– Первым делом, – сказал Наум, – надо людей собрать.

– Конечно! Тысяч двадцать пять, чтобы была отдельная такая бригада, а лучше две.

Эйтингон озабоченно покачал головой.

– Я почему-то не уверен, что Фитин или Меркулов тебя поддержат, – проговорил он. – Да даже не в этом дело. Просто это не их уровень. Базы в тылу врага... Отдельные бригады... Чтобы такое осуществить, нужен Берия! Или... – Наум красноречиво показал пальцем вверх.

– Согласен, – кивнул Судоплатов. – Закавыка в том, что товарищ Сталин до сих пор надеется договориться с Гитлером по-хорошему, а тут я со своими базами!

– Не в масть, – проворчал Эйтингон.

– Именно. А делать все втайне...

Наум затряс головой.

– Даже не думай!

– Да понимаю я. Одну-две базы я смогу создать, на свой страх и риск, но толку от них?

Зазвонил телефон.

Взглядом спросив разрешения у хозяина кабинета, Эйтингон поднял трубку.

– Да?

Слушая, Наум непроизвольно выпрямился и четко ответил:

– Спускаюсь!

Аккуратно положив трубку на рычаг, он сказал:

– Легок на помине... Тебя вызывает нарком.

– Всеволод Николаич?³

³ Всеволод Николаевич Меркулов – нарком НКГБ. Сразу после начала войны НКГБ воссоединили с НКВД, и Меркулов

– Лаврентий Палыч!

Судоплатов ничуть не испугался. Ему ли, «пособнику Берии», бояться всесильного наркома? Но он удивился. Память у него была отменная, однако он что-то не припоминал, чтобы в эти дни его вызывали «на ковер» – у обоих наркомов дел и без него хватало. Это что же получается, от одного «переселения души» мир изменился?

– А может, это знак? – пробормотал он. Встряхнувшись, отпер сейф.

Да, вот они, фотокопии немецких документов, скрепленные с отпечатанными переводами на русский.

– Я пойду? – неуверенно спросил Эйтингон. – Или тебя подождать?

– Ступай, Наум, чего меня ждать? Сможешь вечером к нам заглянуть? С Шурочкой, естественно? Эмма приготовит что-нибудь, выпьем за твое возвращение. Придешь?

– Постараюсь!

– Строго обязательно!

Собрав совершенно секретные бумаги в папку, Судоплатов поспешил на третий этаж. В «предбаннике» его встретил Мамулов, помощник наркома, кивнул приветливо и сразу провел в кабинет Берии. Помещение было достаточно обширным – слева в дальнем углу расположился письменный стол, к нему притулился маленький столик, заставленный телефонами. Посередине кабинета стоял большой прямоугольный стол для совещаний с двумя рядами стульев по сторонам и председательским креслом во главе. Его-то и занимал нарком, одетый, как простой партийный функционер, в черный костюм с галстуком и белую рубашку.

– Майор Судоплатов по вашему приказанию прибыл! – отрапортовал Павел.

Берия усмехнулся и снял пенсне. Помассировав переносицу, он вытащил платочек и стал протирать круглые стеклышки. Затем, словно спохватившись, указал на стул.

– Садитесь, товарищ Судоплатов. Молодое пополнение беспокоится о вашем здоровье... Встретил тут вашу комсомолочку, говорит, нехорошо было майору госбезопасности. М-м?

– Болтушка, – улыбнулся Павел.

Нарком негромко рассмеялся, нацепил пенсне и встал, сделав жест Судоплатову: сидите, мол. Сцепив руки за спиной, Берия прошелся к письменному столу и обратно.

– Не знаю даже, с чего начать... – проговорил он задумчиво.

– А вы сформулируйте вопрос, товарищ нарком, самый главный, – подсказал Судоплатов и тут же отругал себя за допущенную вольность.

Но Лаврентий Павлович не опустил до грубости, он даже не рассердился, только брови приподнял, приходя в легкое изумление. Усмехнувшись, Берия спросил:

– Когда начнется война, товарищ Судоплатов?

– 22 июня, в полчетвертого утра, товарищ нарком, – отчеканил Павел.

Лаврентий Павлович резко наклонился, упираясь ладонями в столешницу, застеленную зеленой скатертью. Его пенсне от неожиданного рывка чуть не соскочило, задержавшись на кончике наркомовского носа.

– Откуда вам это известно?

Судоплатов спокойно положил на стол папку и поднялся.

– Здесь собраны некоторые документы, товарищ нарком, которые позволяют сделать именно такой вывод. Еще зимой генерал Паулюс разработал план нападения на СССР, получивший название «Барбаросса». Он предусматривает молниеносный разгром основных сил Красной Армии западнее Днепра, чтобы не допустить их отступления в глубь страны, а затем выход Вермахта на линию Архангельск – Волга – Астрахань. Гитлер отводит на всю кампанию

снова стал заместителем Берии, как до 3 февраля 1941 года, когда его назначили наркомом. Судоплатов служил именно в НКГБ, а его непосредственным начальником являлся Павел Михайлович Фитин, начальник 1-го (разведывательного) Управления НКГБ. Павел Анатольевич был его заместителем. Берия, как заместитель председателя Совнаркома, курировал работу НКВД, НКГБ и еще нескольких наркоматов.

пять месяцев. Кстати, именно поэтому 22 июня – крайний срок. В ином случае немцы боятся не успеть одержать победу до наступления холодов – зимним обмундированием они не запамятуются, собираются воспользоваться нашим, когда займут Москву, Ленинград и Донбасс. Мне известно, что товарищ Сталин надеется не допустить войны в этом году, оттянув ее неизбежное начало хотя бы до весны 42-го, но у Гитлера иное мнение. Фюрер сказал, что «в 1941-м мы должны решить все континентально-европейские проблемы, так как после 1942 года США будут готовы вступить в войну». Фашисты последовательно, с немецкой обстоятельностью, сосредотачивают у наших границ полки, танки, авиацию. К 22 июня нам будут противостоять почти сто девяносто дивизий.

Берия стоял, оцепенело уставившись в стол, опираясь на расставленные пальцы.

– Но почему именно 22-го?

– Я думаю, товарищ нарком, что выбор этой даты не случаен. Первоначально немцы планировали нападение на 15 мая, но большие силы Вермахта были отвлечены на Балканы, вот и пришлось перенести сроки. Однако в этом переносе заключена не только логика военной стратегии. Известно, что Гитлер склонен к мистицизму, а 22 июня – самая короткая ночь в году. Наши предки отмечали в этот день Купалу, а немцы – Миттзommerфест. Ныне он отмечен в Третьем рейхе, как официальная дата. По обычаю, на этом языческом празднике полагалось разжигать огромные костры...

Нарком со вздохом выпрямился и слабо махнул рукой:

– Садитесь, чего вы вскочили?

Судоплатов уселся, а Берия, обойдя стол, занял стул напротив. Положил руки на стол и сцепил пальцы. Павел решил, что момент самый подходящий.

– Разрешите, товарищ нарком?

Лаврентий Павлович кивнул и нахохлился.

– Имейте в виду – за этот год я выслушал множество предположений о начале и ходе войны, – медленно проговорил он, – но ваш оказался самым беспощадным. Вы сами-то верите в нашу победу?

Судоплатов серьезно сказал:

– Я знаю, что мы победим. Строго обязательно. Весь вопрос в том, какую мы цену заплатим за разгром Германии. На нас пойдут не обычные армии, а орды нелюдей, которым отдан приказ физически уничтожить «большевиков, евреев и славян». Мы не можем предотвратить войну, но в наших силах нанести врагу как можно больший урон.

– Конкретней, – обронил Берия.

– Когда начнется война, первыми павшими в ней станут наши товарищи по наркомату – пограничники. Такова их судьба – первыми принимать удар. Но мы можем и, я считаю, должны подготовиться к собственной войне!

– Что-о?

– Смотрите, товарищ нарком... – Павел достал карту европейской части СССР, на которой по памяти начертил стрелочки главных ударов и линии фронтов. – Вот основные направления немцев. Группа армий «Север» – вот. Здесь – группа армий «Юг», а здесь – группа армий «Центр». Если мы расположим в Белоруссии и на Западной Украине тайные базы, снабдим их всем необходимым и разместим на них подразделения хотя бы одной отдельной мотострелковой бригады особого назначения, то, когда бойцы ОМСБОН окажутся в тылу противника, они развяжут безжалостную тайную войну – будут пускать под откос поезда с танками и горючим, подрывать мосты, уничтожать аэродромы, вырезать врага ротами! Если мы подготовимся уже сейчас, оборудуем базы как следует, то сумеем образовать в тылу противника самый настоящий плацдарм.

Нарком слушал как будто рассеянно, но вот разлепил плотно сжатые губы и задал вопрос:

– А где вы наберете столько разведчиков-диверсантов?

– Из преподавателей и слушателей Высшей школы погранвойск и Высшей школы НКВД, а также из спортсменов – эти уже достаточно развиты физически, чтобы пополнить наши ряды. Останется обучить их тактике действий небольшими группами, разведке, минному делу, радио- делу. Попрыгают с парашютом, побегают на марш-бросках... Вот так вот.

Берия задумчиво покивал головой.

– Хорошо... – выговорил он и вздохнул, поугрюмел. – Вы свободны, товарищ Судоплатов, а я подумаю над вашим предложением. Бумаги оставьте.

– Слушаюсь.

И Павел покинул кабинет.

Глава 3

Акт возмездия

Выйдя в коридор, Павел не почувствовал облегчения – просто потому, что и не напрягался особо. Страх перед Берией Судоплатов и ранее не испытывал, а ныне хладнокровие не изменяло ему ни на миг – ему ли, старцу, бояться? Хотя, если честно, того хладнокровия наблюдалось меньше всего. Основу его настроения составляли радость, нетерпение и возбуждение. Хотелось немедленно, сию минуту, заняться самыми неподъемными делами – и горы своротить. Жило в нем ощущение, что он может все.

Неожиданно впереди, удаляясь по коридору, замаячила все та же сутулая личность. Куда это, интересно, товарищ Серов намылился?

А мы проверим...

Спустившись вниз, Павел покинул «контору». Вовремя – Иван Александрович как раз отъезжать изволили, с барской ленцой указывая водителю адрес. Черный «ЗИС» развернулся и тронулся в сторону Кировской. Судоплатов, не выказывая торопливости, занял место за рулем неприметной «эмки».

«ЗИС» катил впереди, плавно сворачивая и не разгоняясь. Добравшись до Садового кольца, машина Серова свернула налево и через Красную Пресню, по улице 1905 года, выехала на Хорошевское шоссе. Движение на дороге было не слишком оживленным, и Павел, чтобы зря не светиться, держался за автобусом-«четверкой». Четвертый номер ходил от площади Свердлова.

«Надо же, помню!»

Перед очередной остановкой автобус притормозил, и Судоплатов увидел, что серовский «ЗИС» сворачивает к обширному частному сектору – одноэтажные дома и домишки прятались в свежей зелени садов да за кривыми заборами. Попетляв по пыльным улочкам, «ЗИС» остановился напротив большого дома с мезонином. Павел припарковался в переулке и вышел.

Погладил ПББС в кармане – Ванюша Серов будет первым в его «расстрельном списке».

Пройдясь вдоль высокой дощатой ограды, Судоплатов без труда нашел щель, сквозь которую и протиснулся в небольшой запущенный садик – смородина, райские яблочки и бурьянные дебри. Осторожно шагая, Павел добрался до пышного куста сирени, больше похожего на купу деревцев. Цепь во дворе не лязгала, собака не лаяла.

Глухие голоса доносились из дома. На короткое время они зазвучали яснее, но тут же с треском захлопнулось окно мезонина, и все стихло. Судоплатов достал пистолет и накрутил глушитель.

Не шибко обширный двор и деревянные мостки от ворот до крыльца были хорошо видны ему. Уйти он сможет без проблем, воспользовавшись суматохой, но лучше, конечно, остаться с Серовым один на один, чтобы без свидетелей.

Хлопнула дверь в сенях, и тут же открылась входная.

– Все сделаем в лучшем виде, Иван Александрыч, – послышался сиплый басок, – даже не сумлевайтесь.

– Я надеюсь, Косой, – прохладным голосом сказал Серов. – Иначе... сам понимаешь.

– Да рази я когда подводил? – сквозь натужное сипение пробила обида.

– Ладно, ладно... Не провожай.

– Ага...

Дверь закрылась не сразу, незримый хозяин дома словно выжидал, когда же гость спустится по гулким ступенькам. Клацнул замок. Серов вышел из-за угла дома не спеша, вытащил

из кармана пачку папирос. Пожевал губами «беломорину», закурил. Сжал папиросу большим и указательным, втянул дым – запали щеки, прищурились глаза...

Павел не спеша поднял «Парабеллум» и нажал на спуск. Пистолет легко вздрогнул в руке, а звук был, будто пробку вытащили из бутылки. Пуля вошла Серову в голову, выше правого уха, а вышла, разmozжив височную кость, заляпав кровью мостки. Комиссар государственной безопасности 3-го ранга не издал ни крика, ни стога – смерть наступила мгновенно. Труп упал на хлябающие доски с грохотом, словно охапку дров выронили, да об пол.

Судоплатов быстренько подобрал теплую гильзу и покинул «место преступления». Перелук был пустынен, дома выходили к нему глухими стенами, да и пользовались им редко – даже колея молодой травой заросла. Круглым путем Павел выбрался к «эмке», глянув на «ЗИС» – водитель Серова и сам напоминал убитого – откинул голову на сиденье, фуражку на глаза нахлобучил и дрыхнет. Солдат спит, служба идет...

«Баю-баюшки...»

У «эмки» слонялся шкодливый пацан, высматривая, что бы ему открутить. Судоплатов не стал его гонять, да тот и сам отчаялся – побрел дальше приключений искать. Павел сел и завел машину. Выезжая на Хорошевку, он улыбнулся «с чувством глубокого удовлетворения» – одну фамилию из списка можно вычеркнуть.

Улики? Пуля вроде бы ушла в никуда, но лучше будет побережься... С моста через Таракановку «Парабеллум» канул в воду.

Из мемуаров П. А. Судоплатова:

«В начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах. Я и Эйтингон предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности. Циничность Берии и простота в решении людских судеб ясно проявились в его реакции на наше предложение.

Берию совершенно не интересовало, виновны или невиновны те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал один-единственный вопрос:

– Вы уверены, что они нам нужны?

– Совершенно уверен, – ответил я.

– Тогда свяжитесь с Кобуловым, пусть освободит. И немедленно их используйте.

После освобождения некоторые мои близкие друзья оказались без жилья в Москве: их семьи были выселены из столицы. Все они поселились у меня на квартире, на улице Горького, в доме, где находился спортивный магазин «Динамо».

Этажом выше была квартира Меркулова, первого заместителя Берии, который иногда спускался ко мне, если надо было обсудить что-нибудь срочное.

Обе наши квартиры использовались также как явочные для встреч с иностранными дипломатами. Случилось так, что Меркулов позвонил мне как раз в тот момент, когда в гостиной сидели мои постояльцы, и, поскольку он собирался зайти, чтобы поговорить о неотложных делах, пришлось спрятать их в спальне, дабы избежать встречи наркома с недавно выпущенными на свободу бывшими «преступниками»...»

Глава 4

Свидание

Вечерело. По правилам наркомата, сотрудники могли уйти с работы лишь после того, как позвонит секретарь наркома и передаст разрешение шефа. Начальники отделов обычно уходили в восемь, отправляясь домой или на явочные квартиры для встреч с агентами, а затем возвращались к себе на работу в десять или в одиннадцать вечера, чтобы обобщить полученные от агентуры сообщения, которые тут же запирались в сейфы.

Но в этот день секретарь Берии позвонил рано, без пятнадцати семь. Судоплатов покинул здание, которое перестроечные писакки обозвали страшным и зловещим, и двинулся пешком. На работе все было тихо, никаких вестей о Серове не поступало. Павел шагал не торопясь – проездом Художественного театра вышел к Кузнецкому Мосту. Так и добрался потихоньку до улицы Горького. На «ЗИСе» доехать было бы куда быстрее, но он не спешил.

Там, на его старой квартире, ждала женщина, которую он уже однажды хоронил. Судоплатов не понимал, что такое «восковое лицо», пока не увидел Эмму в гробу. Личико у жены и без того было сухим, скуластым, а после смерти оно заострилось, приобретая неприятный желтоватый оттенок. И каково это – вновь увидеть ту, на могилу которой ты опускал алую розу?

Занятый мыслями, Павел и не заметил, как добрался до остановки. А тут и троллейбус подъехал. Отбросив сомнения, Судоплатов поднялся по ступенькам и сел, заплатив 50 копеек. Пешком добираться до дому, который дальше площади Маяковского, просто глупо. Да и о чем ему думать?

До той поры, когда Эмму похоронят на Донском кладбище, еще долгих сорок семь лет. То будущее пока не наступило, и есть надежда, что никогда не наступит. Все мы смертны, но к чему заранее скорбеть, если ты в самом расцвете сил? Не существует Эммы умершей, есть только Эмма живая! И она ждет тебя, старый ты дуралей.

Смирись уж с тем, что молод и здоров! Нельзя изменить судьбу, не ведая ее. Но если тебе известно, что сегодня утонешь, то ты запрешься дома и будешь читать допоздна. Или пить. И останешься жив. А ты, друг мой ситный, знаешь своих врагов наперечет. Врагов генерал-лейтенанта Судоплатова, врагов Сталина и Берии, врагов народа, врагов СССР. Твой долг – уничтожить их всех, даже если они захотят сдать.

Нет, пощады не будет. Не дождутся!

Выйдя на остановку, Павел перешел улицу и приблизился к своему дому. Его еще называли «домом НКВД». Поднявшись, он так и застыл у своих дверей. Это было немислимо, но это было – он вернулся к годам своей молодости.

Ну же, трус! Звони! Рука потянулась к кнопке и решительно вжала ее. И трель звонка такая знакомая...

За дверью не спрашивали: «Кто там?», не звякали цепочкой, а распахнули, быстро и настежь. На пороге стояла Эмма, слегка растрепанная, хорошенькая и улыбчивая.

– Привет! – сказала она. – А у нас гости!

Судоплатов не обратил никакого внимания на эту новость. Он смотрел на свою любимую женщину и ни о чем не думал, не переживал – все его сомнения и страхи исчезли, растаяли, перестали быть.

– Эмма...

Павел обнял самое дорогое ему существо и прижал к себе.

– Да что с тобой? – затрепыхалась женщина.

Судоплатов смотрел в расширенные серые глаза и улыбался.

– Ты не заболел? – поинтересовалась Эмма с оттенком кокетливости.

– Я выздоровел.

– Кто там, Эммочка? – послышался высокий звонкий голос Шурочки Кочергиной, подруги Наума. – Твой пришел?

– Мой! – засмеялась Эмма.

Павел разулся, продолжая поражаться совершенно обыденным вещам. Та самая «ложка» для обуви... Вешалка... Запах сдобы, ванили, молока... Годовалый Андрюшка пищит в детской... Бож-же мой...

Судоплатов, махнув рукой на гостей, прошел к сыну. Андрей Павлович был очень серьезен – складывал из деревянных раскрашенных кубиков шатучую башню.

– Какая высокая! – неумеренно восхитился Павел, вспоминая, как взрослый, уже порядком поседевший Андрей брил его, старую развалину.

Дитя улыбнулось.

– Привет!

– Привет, чадышко...

Погладив ребенка по голове, потоптавшись, Судоплатов вернулся на кухню. Эмма нарезала сыр.

– Ты почему к гостям не идешь?

– Успею. Наума я уже видел, а Шура... По тебе я больше соскучился.

Жена обернулась. Лицо ее было серьезно, даже встревожено слегка.

– Что случилось, Паша?

– Потом как-нибудь расскажу. Все хорошо, товарищ Кагалова.

Эмма шутливо замахнулась на него и продолжила свой аппетитный труд.

Посмотришь на нее, подумал Павел, домохозяйка как домохозяйка. Человеку со стороны даже в голову не придет подозревать в ней оперативного работника, разведчика-нелегала. А ведь было, все было... И погони, и перестрелки, и та нечаянная встреча в Париже...

После родов Эмма ушла с оперативной работы, сейчас она старший преподаватель спецдисциплин в Высшей школе НКВД. Ей есть о чем рассказать своим слушателям, опыт имеется.

– Павлуша! – донесся голос Эйтингона. – Хватит приставать к жене, иди к нам, поприставай к Шурочке!

– Бесстыдник! – заклемила его Александра.

Улыбаясь, Судоплатов прошел в гостиную.

– Привет китайцам!

– Привет! – рассмеялась Шурочка и подставила щечку.

Павел добросовестно поцеловал ее.

Щечка была упругой и бархатистой, как у дитенка.

Плюхнувшись на диван, Судоплатов привалился к спинке, разглядывая своих друзей.

Наум был диверсантом Божьей милостью. Это он еще в 28-м подорвал поезд, в котором ехал маньчжурский диктатор Чжан Цзолинь. Считается, что сей инцидент – дело рук японской разведки... Вывоз испанского золота в СССР – тоже на совести Эйтингона. А нынче он вернулся после важного задания – операции «Утка», попросту – ликвидации Троцкого. Сначала он действовал из Парижа, потом из Нью-Йорка, под конец переместился в Мехико. После ликвидации бежал на Кубу и вот, через США и Китай, вернулся-таки из своей долгой «загранкомандировки». Но главное заключается вовсе не в профессионализме. Просто Наум – это тот человек, с которым можно идти в разведку. В данных обстоятельствах звучит несколько двусмысленно, но верно.

Именно, что верно. Многие раскололись при Хрущеве, но Наум Исаакович даже словом не предал Павла Анатольевича...

Вернулась Эмма, и они с Шурочкой быстренько накрыли маленький столик. Павел напряг память, и она его не подвела – открыв заветную полочку, он достал непечатую бутылку «Хванчкары». Эйтингон жестом фокусника выудил пузатый сосудик с саке.

– Ну-с, приступим!

Себе Судоплатов плеснул вина, да еще и разбавил его фифти-фифти шипучкой «Лагидзе».

Повторил то же действие для Шурочки, а вот Наум с Эммой решили угоститься саке.

– Вообще-то, – авторитетно заявил Эйтингон, – саке следует подогревать, но мы внесем в процесс русское упрощение!

– Павел, – Шура повернулась к хозяину, – скажи тост!

Судоплатов поднял стакан с вином и выдал:

– Ну, поехали!

Нежно прозвенели бокалы, сойдясь.

– Замечательный тост! – хихикнула Эмма. – Краткий!

– Емкий! – поправила ее Кочергина.

Закусив как следует, Павел ощутил, что начинает расслабляться. Сейчас, когда ему, по сути, пошел девяностый, боялся он лишь одного – что эта сказка, в которую он угодил, вдруг закончится. А она все длилась и длилась... Час за часом...

Скоро уж сутки минут с того фантастического момента, когда прошлое снова стало для него настоящим.

– Паша, я все не решалась спросить... – неуверенно проговорила Эмма. – Вижу, что ты вернулся, значит, все хорошо... Что там «князь Шадиман»?

Судоплатов улыбнулся. «Князем Шадиманом» жена называла Берию. Уж что она нашла общего между персонажем из «Великого Моурави» и нар-комом, одной женской душе известно. Возможно, связь в том, что реальный Шадиман сам хотел стать царем царей, а не служить венценосцу? Опасная параллель, весьма опасная... Берия, возможно, и желал бы стать фигурой номер один в советском царстве-государстве, но только не при Сталине.

– «Князь Шадиман» удостоил меня беседы. Вернее, он задал мне вопрос, а я на него ответил.

– О войне?

– О ней, проклятой. О, женщины... Нашли, тоже мне, тему для разговора! Давайте лучше выпьем.

– Давайте! – бодро поддержал друга Наум.

Но женщины, хоть и выпили, оставались задумчивы. На минуту опустилась тишина, и ее тут же разнес резкий звонок телефона.

– Я возьму, – легко поднялся Павел. Подняв трубку, он сказал: – Алло?

– Товарищ Судоплатов? – прозвучало на том конце провода. – Сталин говорит.

– Слушаю, товарищ Сталин.

Судоплатов стоял спиной к гостям и не мог видеть выражения их лиц, но легко представил их. Звякнула оброненная вилка, и Шура шикнула на «безрукого Наума». Павел улыбнулся.

– Товарищ Судоплатов, – неспешно проговорил вождь, – нам нужно узнать ваше мнение по главному вопросу. Машина за вами послана.

– Выезжаю, товарищ Сталин.

Из мемуаров П. А. Судоплатова:

«В годы войны Особая группа стала главным центром разведывательно-диверсионной деятельности органов Госбезопасности в тылу противника. Ей принадлежит важная роль в инициировании и развертывании массового партизанского движения в тылах фашистской армии.»

В тыл врага было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью пятнадцать тысяч человек. Двадцать три наших офицера получили высшую правительственную награду – им присвоили звание Героя Советского Союза. Более восьми тысяч человек наградили орденами и медалями.

Маршалы Жуков и Рокоссовский специально обращались в НКВД с просьбой о выделении им отрядов из состава моего 4-го управления НКВД для уничтожения вражеских коммуникаций и поддержки наступательных операций Красной Армии в Белоруссии, Польше и на Кавказе.

Подразделения 4-го Управления и Отдельной мотострелковой бригады особого назначения уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника»

Глава 5

Особая группа

Когда Судоплатов вышел из подъезда, черный «ЗИС» как раз подъезжал. Выскочивший из машины офицер отдал Павлу честь и открыл дверь. Судоплатов с удобствами устроился на заднем сиденье, ловя себя на том, что натура его осталась прежней. Похоже на то, что сидящий внутри его старичок с интересом и удовольствием наблюдает за происходящим. Да еще и хихикает, и потирает свои сухонькие ручонки...

«ЗИС» домчал быстро. На улице уже стемнело, горели фонари, светились окна в домах. Алели звезды над Кремлем. Павел вспомнил, как его после выхода из тюрьмы поразила Останкинская башня. Москвичи-то привыкли к медленно выраставшей «игле», а он увидел ее впервые в жизни.

И эта ночь, чей мрак разлит вокруг, тоже чарует его. Да, он видел все это, и не раз, но одно дело – воспоминания, и совсем другое – свежее впечатление. Нет, товарищи, вторая жизнь не скучна! И она вовсе не повторение пройденного, ибо нужно быть совершенно убогим, чтобы даже не попытаться изменить ее к лучшему, исправить там, где когда-то ошибся...

«ЗИС» проехал по пустынной Красной площади и миновал Спасские ворота. Охрана пропустила машину, и лимузин покатил медленно и плавно, как то и приличествовало месту, пока не остановился в тупичке возле Ивановской площади. Покинув «средство доставки», Судоплатов поднялся по лестнице на второй этаж бывшего Сената и зашагал по длинному безлюдному коридору, устланному красным ковром.

Приемная была приличных размеров – здесь свободно поместились три письменных стола. Павла встретил Берия. Было заметно, что нарком изрядно нервничает. Даже не кивнув Судоплатову, он торопливо заговорил:

– Для вашей ориентировки имейте в виду – наши пограничники встретили перебежчика, немецкого коммуниста. Он рассказал о подготовке к войне, подтверждая ваши слова. Я доложил об этом товарищу Сталину, но он отмахнулся. Так бы все и забылось, но тут я вспомнил о нашем разговоре и рассказал о нем. И тогда товарищ Сталин вызвал вас...

Судоплатов кивнул.

– Мне очень хочется, чтобы товарищ Сталин не отмахнулся от моих выводов.

Тут в приемной возник Поскребышев – невысокий, коренастый, в зеленом кителе и галифе. Сапоги его блестели так, что в них можно было смотреться, как в зеркало. Тихим, бесстрастным голосом он сказал:

– Товарищ нарком? Товарищ Судоплатов? Проходите, вас ждут.

Павел кивнул и вошел в сталинский кабинет. При царях тут все было по-другому. Иосиф Виссарионович приказал обшить стены деревом и обставить все так, как ему было удобно. Ближе к середине стоял длинный стол, крытый зеленым сукном. Рабочий стол Сталина располагался в углу, над ним висел портрет Ленина, на другой стене – Маркса и Энгельса. Сталин сидел за столом, вынимая из пачки папиросу «Герцеговина-Флор», ломая ее и высыпая табак в трубку.

– Проходите, товарищи, – сказал он, не поднимая головы.

Кавказский акцент был замечен – вождь волновался. Или пребывал во гневе. Умяв табак, Иосиф Виссарионович не стал закуривать, а отложил трубку и поднял свои рысьи глаза на Судоплатова. Павел спокойно выдержал давящий взгляд.

– Товарищ Судоплатов, говорят, с вами делится секретами лично Гитлер?

– К сожалению, нет, товарищ Сталин, – улыбнулся Павел. – Приходится думать самому и собирать информацию по крупицам. А разведка у нас хорошая, англичанам или американцам такая и не снилась.

Вождь прищурился. Этот вежливый человек ставил его в тупик. Наркома если не трясло, то потряхивало изрядно, а этот... диверсант был совершенно спокоен.

– Скажите, товарищ Судоплатов, чего вы боитесь?

– Боюсь, товарищ Сталин, что мы не успеем хорошо подготовиться к войне. Я не пророк и не военачальник, моя задача – бить врага на тайном фронте или в тылу. За то и радею.

Вождь кивнул.

– Да, мне докладывали. Так что же, вы полагаете, что наши командармы плохо готовятся к войне?

– Из рук вон.

Берия сильно вздрогнул, а у Сталина заблестели глаза.

– Факты, – обронил он.

Павел оглянулся на карту СССР, висевшую на стене, и сказал:

– Вы позволите? – получив разрешение, он прошел к карте и ткнул пальцем: – Вот Западный округ. Здесь наши 3-я, 4-я и 10-я армии, и расположены они в белостокском выступе, выгнутом в сторону противника, причем 10-я армия занимает самое невыгодное расположение. Такая оперативная конфигурация войск создает угрозу глубокого охвата и окружения их со стороны Гродно и Бреста путем удара под фланги. Этак мы потеряем двадцать дивизий! Но ничего не меняется с прошлого года. При этом на аэродромах творится полнейшее разгильдяйство. Начнись сейчас война, Люфтваффе с легкостью уничтожит нашу авиацию, редкий самолет будет способен взлететь! И ведь немцы прекрасно знают расположение всех наших гарнизонов, аэродромов и прочего – немцы создали Разведывательную группу главнокомандования Люфтваффе, так называемую «Группу Ровеля», в которую вошли высотные бомбардировщики «Дорнье-215», «Хейнкель-111», «Юнкерс-88», переоборудованные для ведения аэрофотосъемки, и спокойно снимают наши стратегические объекты, долетая до Горького и Баку!

Сталин слушал и мрачнел.

– Довольно, – проворчал он. – Ваши предложения?

– Необходимо готовиться к худшему, товарищ Сталин. Повторяю, я не полководец, я разведчик и диверсант, и хочу бить врага, не подстраиваясь под обстоятельства, а играя по своим правилам. Если мы уже сейчас начнем в обстановке полной секретности устраивать базы в Белоруссии и на западе Украины, если мы наберем и в темпе обучим хотя бы две отдельные мотострелковые бригады осназа, то уже в первую неделю войны наделаем фашистам столько пакостей, что Гитлер будет колотиться в припадке с утра до вечера!

Вождь посмотрел на Павла и неожиданно рассмеялся.

– Пакостей, говорите? Ну-ну... Лаврентий Павлович, займитесь этим делом. Организуйте у себя... э-э... Особую группу, и пусть она уже организует разведывательно-диверсионную работу и партизанскую войну в тылу немецко-фашистских войск.

– Товарищ Сталин, – подал голос Берия, – можно создать Особую группу на базе Первого управления наркомата госбезопасности.

– Можно, – кивнул Иосиф Виссарионович. – Товарищ Судоплатов, кого вы прочите в руководители Особой группы?

– Эйтингона, товарищ Сталин. Это человек проверенный.

Сталин усмехнулся и погрозил Павлу нераскуренной трубкой.

– Нет, товарищ Судоплатов. Вы предложили, вам и везти! А Эйтингона можете взять в заместители. Что-то еще?

– Людей бы нам, товарищ Сталин. Вернуть бы тех, кого уволили или посадили (Берия опять дернулся). Пусть смоят свою вину кровью. И потом.

– Согласен, – кивнул Сталин, доставая спички. – Вы свободны, товарищи.

Павел вышел первым и обернулся на Лаврентия Павловича.

Нарком был бледен, а на лбу выступили бисеринки пота.

– Поздравляю вас, товарищ Судоплатов! – сказал он, отпыхиваясь.

– Спасибо, товарищ нарком, – хмыкнул Павел. – Поздравили коня с началом пахоты!

Берия отер платочком лицо и визгливо рассмеялся.

Глава 6

Дело об убийстве

Прошло три дня. Сон был недолог, а все остальное время у Судоплатова было занято бегом по кабинетам да утряской неисчислимого количества вопросов.

Меркулов отнесся к созданию Особой группы спокойно и в целом доброжелательно, а уж Фитин, человек куда более простой, и подавно. Павел живо собрал вокруг себя «свиту» – Колю Мельникова, майора из Владивостока, Витю Дроздова, старшего майора милиции, бывшего с Украины, а также – куда ж без них? – Аню Камаеву и Шуру Кочергину. Наум стал заместителем Судоплатова, чему был рад.

Организация секретных баз и набор добровольцев в отряды осназа требовала прорывы времени и массы усилий. Павел, как настоящий начальник, не взялся сам тащить воз проблем, а щедро поделился грузом ответственности с подчиненными. И дело пошло.

На следующий же день после вызова в Кремль Берия затребовал у Судоплатова список тех опытных бойцов невидимого фронта, которые были «отлучены» во время чисток. Павел взял чистый лист бумаги и стал писать:

«1. Я. Серебрянский; 2. И. Каминский; 3. П. Зубов; 4. Д. Медведев; 5. М. Яриков; 6. Ф. Парпаров...»

И еще шесть десятков фамилий тех, кого помнил, на кого можно было положиться. Эйтингон, немало воодушевленный, внес свою лепту, так что под конец список содержал более сотни имен⁴. Нарком придирается не стал – кивнул только и отдал приказания. Закрутились шестеренки механизма репрессий – в обратную сторону, задним ходом.

Дела завертились так быстро, что и передохнуть некогда было. Об убийстве Серова стало известно лишь на другой день. Шум поднялся изрядный, но никаких следов не нашли. Арестовали хозяина дома, во дворе которого был застрелен заместитель наркома – им оказался старый уголовник, Федор Артамонов по кличке Косой. Урка клялся и божился, что он ни сном, ни духом, но водитель Серова показал на допросе, что комиссар не раз и не два заглядывал к Косому. Связь высокопоставленного чина из НКВД с преступным элементом бросала тень на весь наркомат, и дело спустили на тормозах. Водитель дал подписку о неразглашении, а Косому светила «вышка»...

...Вечером 17 мая Павел сел в поезд на Белорусском вокзале. Кроме «свиты» с ним отправились в путь Митя Медведев, восстановленный на работе буквально прошлым вечером и назначенный Судоплатовым командиром опергруппы, а также Николай Королев, чемпион Европы по боксу, он же адъютант Медведева. И еще целая толпа чемпионов, цвет советского спорта – бегуны, братья Знаменские, боксер Щербаков, лыжница Кулакова, пловец Мазуров, штангисты Шатов и Крылов, и еще, и еще...

Можно было, конечно, торчать в Москве до лета, осваивая «спецдисциплины», но Павел счел, что занятиям в мытищинской учебке не помешает «выезд на место». К тому же в Минске у них пересадка, и Павел решил воспользоваться недолгим временем остановки. Пока спустят грузовики, пока все погрузятся, он успеет провернуть одно грязноватое дельце. «Мокрое» дельце. Судоплатов решил ликвидировать генерала армии Павлова, командующего войсками Западного Особого военного округа.

«В той жизни» ровно через месяц после начала войны Дмитрия Георгиевича Павлова расстреляли – «за трусость, самовольное оставление стратегических пунктов без разрешения высшего командования, развал управления войсками, бездействие власти». Хрущев, правда,

⁴ В нашей реальности в списке значилось около 60 фамилий.

реабилитировал Павлова, свалив всю вину на Сталина. Но разве мог вождь командовать военным округом из Москвы? Разве у Павлова не было глаз и мозгов, чтобы понять – враг силен, опасен и готовиться к отражению немецкого натиска следует до изнурения? 22 июня многие командиры Западного округа были в увольнительной, красноармейцы мирно спали в казармах. Самолеты стояли не заправленные, лишённые боеприпасов, даже не замаскированные. В общем, откровенного раздолбайства было столько, что волосы дыбом.

Нашлись и такие, кто считал Павлова предателем. Да нет, генерал был простым дураком. Хотя именно с его подачи в армию пришли танки «КВ», именно Павлов пересмотрел глупую идею Тухачевского – громоздить без толку танковые мехкорпуса. Система Дмитрия Георгиевича была куда грамотней и жизнеспособней, именно по его принципу использования танковых бригад и моторизованных дивизий в ЭРП – эшелонах развития прорыва и действовали Панцерваффе Гудериана или Роммеля. Выходит, не дурак?

Так почему же ты, друг ситный, прогадил Западный округ, самый ответственный, самый решающий? Почему подставил сотни и сотни тысяч бойцов, угодивших в плен или сгинувших по твоей вине? Почему арtpолки находились вне дивизий? Почему зенитная артиллерия была выведена на полигон в Крупки? Почему ослабил мобилизационную готовность войск? Почему 21 июня отменил приказ Генштаба о приведении авиачастей в боевую готовность? И список этих «почему» длинен, и каждый «тянет» на расстрел.

Судоплатов медленно сел и нахмурился. А не сделает ли он еще хуже, чем было? План у него простой – ликвидировать Павлова, чтобы в Москве быстренько назначили другого командующего округом. А кто ему сказал, что другой будет лучше? Эй, старичок, хватит пререкаться! Хуже уже точно не будет, вот что главное. Кем бы ни был новый командующий...

Господи, да если «новичок» просто-напросто наделает меньше ошибок, если не станет саботировать исполнение приказов Наркомата обороны и Генштаба, то это уже громадный плюс!

– Пожалуй... – проворчал начальник Особой группы.

Эх, Павлов, Павлов... За будущие преступления не казнят, но тут особый случай... Криво усмехнувшись, Павел запер дверь в купе и достал немецкую винтовку «Маузер-98 к» с четырехкратным оптическим прицелом и с глушителем «Брамит»⁵. Быстренько почистив и перезарядив, Судоплатов аккуратно разобрал и укутал оружие сначала в одеяло, а после обернул брезентом. Получился не слишком заметный сверточек.

Между тем за окном вагона смеркалось. Из глубины белостовольных рощ выползала на опушки густая синь, ельники смыкались в черные стены, посвежело, к горьковатому запаху паровозного дыма примешивался сладкий запах травы и придорожных болот. Вымотавшись за день, Павел еле разделся, лег – и отключился.

Когда поезд остановился чуть в сторонке от минского вокзала, в купе заглянул Эйтингон.

– Сходим, товарищ начальник? – деловито спросил он.

– Сходим, – кивнуло «начальство». – Вот что, товарищ заместитель, пересадкой командуй сам, а мне надо ненадолго отлучиться. Только сначала «эмку» спустите – съезжу кой-куда.

– Сделаем!

Добровольцы уже сутились на платформах, где были закреплены пять шестиосных грузовиков «ГАЗ-ААА» и три легковушки «М-1».

– «Эмку» товарищу майору! – весело раскричался Наум. – Живенько, живенько!

Спустили машину за пару минут. Судоплатов уложил винтовку на заднее сиденье и, махнув рукою своим, сел за руль. Выехав, двинул к штабу Западного округа – тот размещался на

⁵ «Брамит» (или «БраМит») – первый советский серийный глушитель. Разрабатывался для «Нагана», винтовки Мосина, для пистолетов-пулеметов Дегтярева и Токарева, для снайперской винтовки «СВТ-40» и др.

Советской, в главном корпусе Университетского городка. Предъявив свои документы, начальник Особой группы покрутился по штабу, заглянул в отдел устройства тыла и снабжения, выведдал, что Павлов на месте, и отъехал. Но недалеко.

С той стороны штаба, где находился кабинет командующего округом, стояло старое здание из красного кирпича – то ли ректорат, то ли еще что. Туда-то Павел и направился, оставив машину неподалеку. Практически никого не встретив, он поднялся на верхний этаж. Лишь однажды ему навстречу попала пожилая женщина в старомодном платье и роговых очках. Она держала под мышкой кипу желтоватых бумаг, а еще одна пачка находилась у нее в руках. Близоруко шурясь и шевеля губами, женщина вычитывала строчки и была настолько поглощена своим занятием, что даже под ноги не смотрела, осторожно нащупывая ногой очередную ступеньку.

Отвернувшись, Судоплатов миновал «бухгалтершу», но вряд ли та заметила его. В гулком коридоре было пустынно, а двери нужных Павлу кабинетов не открывались. Ну, плох тот диверсант, что не в силах войти в закрытую дверь. С помощью двух скрепок Судоплатов проник в помещение, где, судя по всему, давненько никто не бывал – и пол, и столы покрывал слой пыли. Тем лучше...

Вид из окна открывался шикарный. А вон и окно нужного ему кабинета... Павел быстро, орудуя прихваченными инструментами, собрал винтовку, накрутил глушитель и глянул в прицел. За открытым окном кабинета прохаживался взад-вперед Павлов и отчитывал кого-то, ритмично взмахивая рукой, словно гвозди загоняя невидимым молотком.

Судоплатов уже решил не дожидаться и выстрелить при посетителе, но тут Павлов сделал раздраженный жест, переводимый, как «Вон отсюда!», и распекаемый товарищ живо покинул кабинет. Командующий округом подошел к окну, и Павел поймал в прицел его лысую голову. Тут же вспомнился Хрущев. Этот подождет, его очередь еще не пришла...

Затаив дыхание, Судоплатов надавил на спуск. Винтовка дернулась, отдавая в плечо, а выстрел больше всего походил на короткое шипение. Пуля вошла Павлову в лоб, снося половину черепа. Запрокидывая мертвое лицо, командующий упал на спину, словно делая «мостик». Готов.

Быстро, но тщательно протерев «Маузер» и свинтив «Брамит», Павел оставил оружие на месте, начертив пальцем по пыльному подоконнику: «Heil Hitler!» Немецкий след будет нелишним.

Покинув здание, Судоплатов не спеша вернулся к машине, но поехал не на вокзал, а обратно к штабу. С грозным мандатом, подписанным Берией, он легко прошел к генералу Васильеву, начальнику инженерного управления округа. Гладко выбритый, подтянутый и в хорошем настроении, генерал являл собою образчик старого служаки.

– Здравия желаю, товарищ Судоплатов! – сказал он, улыбаясь, и потряс протянутую ему руку. – Мне уже звонили из Москвы, так что, как говорится, буду рад! Чем могу?

Павел улыбнулся.

– Дело, которое привело меня к вам, требует секретности, но суть его проста: нам необходимо выстроить несложные укрепления, вроде землянок. Ваших бойцов мы привлекать не будем, обойдемся своими силами, но вот топорами, пилами, лопатами, гвоздями, скобами – и т. д. и т. п. – хотелось бы разжиться у вас.

– Не вопрос! – кивнул генерал. – Еще что?

– Нам потребуются буржуйки, обмундирование, провизия длительного хранения – это уже не по вашей части, но я уж все до кучи.

Васильев хохотнул и тут же потянулся за бумагой.

– Сделаем, товарищ Судоплатов! Игорь!

В дверь заглянул молодой командир с двумя «кубарями» в петлицах⁶.

– Игорь, составишь товарищу майору госбезопасности все бумаги на получение... Товарищ майор тебе объяснит.

Лейтенант вытянулся.

– Слушаюсь! Пройдемте, тащ майор.

Шустрый лейтенант за какие-то четверть часа умудрился состряпать целую кипу нарядов, вещевых аттестатов и прочих бумажек, без которых ни один интендант на склад не пустит. Расписавшись везде, где надо, Судоплатов услышал крики в коридоре:

– Павлова убили! Застрелили Павлова!

Штаб округа стал походить на улей, в который медведь сунул лапу загребушую. Все сразу забегали, затопали, заорали на все голоса. Исчезнувший Игорь вернулся и, возбужденный, встрепанный, доложил скороговоркой:

– Убит прямо в кабинете! Наповал! Пулей в лоб! Похоже, немецкий снайпер поработал!

– Обнаглели, – обронил Павел.

– И не говорите, тащ майор!

Забежав к связистам, Судоплатов отбил телеграмму в Москву, на имя Фитина, и удалился. Мавр сделал свое дело...

Из обращения И. В. Сталина к советскому народу:

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи, поджога лесов, складов и обозов.

В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия, при вынужденном отходе частей Красной Армии не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба...

Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы, хлеб и горючее, которые не могут быть вывезены, должны быть уничтожены».

⁶ Лейтенант.

Глава 7

На вершине «Олимпа»

Через белорусские леса было проложено всего несколько прямых дорог, все прочие являлись направлениями. Ямистые да бугорчатые грунтовки донимали тряской и пылью, но это было куда лучше слякоти – после хорошего дождя колею так развезет, что даже шестиколесный «газон» может застрять.

Все грузовики были нагружены в меру и рычали с подвыванием, одолевая не шибко крутые подъемы. Под горку машины катились, довольно урча.

Место для первой базы Судоплатов выбрал в самых дебрях Ружанской пуши, зато отсюда можно было осуществлять рейды на Гродно, на Барановичи, на Кобрин и Брест. К обеим железным дорогам, что вели от Бреста на Минск и Гомель, тоже можно было выдвинуться «со всеми удобствами». «Пошалить» – и обратно, раны зализывать.

Преимущества места расположения оценили все, хотя Павел не привел некоторых важных факторов. Он не стал затрагивать тему окруженцев, а таких после 22 июня появится в достатке. Троп и прочих лесных путей в округе не столь уж много, можно и нужно будет держать их под контролем и перехватывать отступающих бойцов, отчаявшихся, озлобленных, раненных. Пожелают они топтать дальше к линии фронта – их дело. Захотят влиться в состав ОМСБОН – милости просим. Если, конечно, сил и умений хватит. Воевать как солдат могут все. Бить врага, как разведчик-диверсант, – далеко не каждый. Все равно личный состав не бывает лишним, а врагов хватит на всех...

...Судоплатов ехал в кабине головного грузовика. Рядом сидел Наум и тихонько чертыхался, пытаясь одновременно читать карту и удержаться на месте. Водитель из добровольцев-спортсменов весело скалился.

– Тебе хорошо, молодой, – пробурчал Эйтингон, хватаясь за скобу, – уцепился за руль, и всего делов. А тут изображай прыжки на месте...

– На заднем месте, – уточнил Павел.

Шофер хихикнул. Наум ухмыльнулся и спрятал карту. Задумался.

– Я тут помараковал, – громко сказал он, заглушаемый скрежетом передачи, – что убийство Павлова – это, по сути, объявление войны.

Судоплатов покачал головой.

– Наум, немцы уже больше года воюют с нами, просто борьба эта тихая, когда ходят на цыпочках и говорят шепотом. Слыхал о полку «Бранденбург-800»?

– Наши, так сказать, коллеги, – усмехнулся Эйтингон.

– Именно, – кивнул Павел. – Полностью он называется 800-й учебный полк особого назначения «Бранденбург». Насколько я помню, его отцом-основателем был гауптман фон Хиппель. Теодор, кажется. Он еще с англичанами в Африке воевал, по сути, партизанил. Умный немец. Офицерам старой прусской закалки претили методы фон Хиппеля, вроде переодевания во вражескую форму, а вот Канарис оценил его потуги и принял Теодора под свое крылышко. В полку фон Хиппеля воюют немцы, владеющие языком противника, и воюют парами – «боевыми двойками». Двойки собираются в подразделения из двенадцати человек, а те – в батальон из трехсот бойцов. Сейчас полком командует подполковник Пауль фон Ланценауер. И чует моя душа – мы с его ребятами обязательно пересечемся. Они изображают патрули или небольшие группы в нашей форме и говорят на чистом русском.

– Поволжская немчура, – проворчал Наум.

– Да. Или прибалты. Или остзейские немцы. Частенько они передвигаются на грузовых «ЗИСах», и это тоже надо учесть. Сразу стрелять по ним нельзя – вдруг наши? Но остерегаться нужно крайне – это опытные волки.

– Так и мы не зайцы, товарищ майор! – воскликнул водитель.

– Помолчи, молодой, – строго сказал Эйтингон.

– Слушаюсь!

Наум подумал и молвил:

– Думаешь, это они Павлова... того?

– Возможно, – пожал плечами Судоплатов и подался вперед. – Володя, теперь на тот берег ручья – и вверх по течению.

– Есть, товарищ майор!

«Газон» легко форсировал мелкий ручей с галечным дном и покати́л по его левому каменистому берегу.

– Бывал здесь? – поинтересовался Эйтингон.

– Бывал...

Павел не стал уточнять, что его знакомство с местом для будущей базы состоялось в 49-м. Одолев седловину меж двух холмов, заросших соснами, грузовик объехал овраг и поднялся на обширную возвышенность.

– Тормози.

Судоплатов выбрался наружу и осмотрелся. То самое место. Со стороны оврага его защищают крутые склоны холмов и сами их верхушки. Фланги прикрыты непроходимыми болотами, и попасть наверх можно только по ручью, но и этот подход легко взять под перекрестный огонь. Высота, круглая в плане, густо поросла соснами – и зимой и летом хвоя прикроет базу от любопытных летунов.

Наум пробежался по территории «секретного объекта» и оценил:

– А что? Очень даже неплохо! Выгружаемся?

– Выгружаемся!

Облегченные грузовики загнали в тень. Три из них укутали дефицитной маскировочной сетью, а парочку использовали «дровосеки» – бревна для строительства добывали по соседству. Скоро затихающий гул моторов да погромо́хива́ние бортов сменились стуком топоров и визгом пил. А на самой высоте разворачивались земляные работы – мускулистые спортсмены, раздевшись до штанов, взялись за ломы и лопаты. Выбранную землю отвозили на тачках вниз, где понемногу вырастал вал – будет защитой для огневой точки.

Девчонок к тяжелым работам не допускали, но те не страдали от безделья – и палатки надо было разбить, и еды наготовить. А трое бойцов – Данила Муха, Ася Краснобаева и Катя Алексеева – обходили окрестности базы дозором, примечая все: удобные подходы, укрытия, места, откуда можно было держать под обстрелом прогалы в лесу.

Поработав топором, Судоплатов упарился и тоже стянул гимнастерку. Воткнув инструмент в ошкуренное бревно, он окликнул:

– Карасев! Витя!

Плотный парень, с хканьем долбивший землю ломом, оглянулся и поспешил на зов, стряхивая с рук верхонки.

– По вашему приказанию... – начал Карасев, но Павел остановил его.

– В общем, так, товарищ командир, – сказал он, улыбаясь, – база эта – твоя. Твоего отряда. Назовем его «Олимп».

– Подходяще! – улыбнулся Виктор, поневоле вытягиваясь и косясь с гордостью в сторону вернувшейся Аси.

– Постараемся переправить сюда хотя бы человек пятьдесят, а дальше ты уж сам. Бойцы к тебе подтянутся, это я тебе гарантирую.

– Моя задача?

– Громить противника любыми средствами, но в прямое боестолкновение не вступать. Твоя сила, Виктор, в скрытности и внезапности. Фашисты должны бояться твоих засад и налетов – как услышат, что в лесу веточка треснула, так и в штаны наложат. Будешь ходить в рейды... Да что я тебе рассказываю! Учил небось, как в тылу с врагом обращаться.

– Есть немного, – скромно признался Карасев.

– На сегодня же главная задача – противодействие бойцам полка «Бранденбург-800». С началом войны ни один мост не должен достаться немцам целым, ни один склад. Отстреливать гадов, чтобы не гадили на нашей территории, не убивали наших командиров. Задача ясна?

– Так точно!

– А еще отряды будут, товарищ майор? – пропищала Краснобаева.

– Строго обязательно, Ася, – серьезно ответил Судоплатов. – На Житомирщине будет действовать отряд Мирковского «Ходоки» и группа капитана Хондошко «Унитарцы», а в районе Ровно – отряд «Победители»...

– Мой! – не удержался Медведев.

– Твой. И еще, и еще... «Неуловимые» Прудникова, «Охотники» Прокопюка, «Местные» Ваупшасова, «Соколы» Орловского, «Грозный» Озмителя, «Сатурн» Воропаева, «Особы» Бажанова, «Гвардия», «Гвадалахара», «Дружина», «Комета»... Нас будет много, Ася.

– И мы победим! – сурово пропищала Краснобаева.

– Строго обязательно.

Тут, взревывая мотором, на «Олимп» забрался «газон», груженный свежими бревнами.

– Володя, к штабной землянке!

– Ага!

– Бойцы, перекур закончен, работа закипела!

И работа закипела.

Ночевка выдалась прекрасной, как в пионерлагере – палатки, сосны, костер... Встали рано – и за работу. Уже к обеду штабная землянка в три наката была «сдана», внутри установили буржуйку и растопили, чтобы выгнать сырость.

Судоплатов был бодр, даже та тревога и угнетенность, что преследовали его все последние дни «в новом старом теле», отошли на второй и третий план. Трудотерапия, да на свежем воздухе, – замечательная штука. После обеда (превосходной похлебки-жаркого с тушенкой плюс компот из сухофруктов) Павел взялся повышать обороноспособность базы «Олимп» – надо было закрепить в кузове «газона» 25-миллиметровую автоматическую зенитную пушку.

Конечно, лучше всего прятаться за пологом леса, но если все же Люфтваффе пронюхает, что на высоте прячутся «партизанен», то нелишним будет иметь кое-что для достойного ответа немецким бомберам.

Новенькое орудие не слишком впечатляло калибром, зато было громоздким и тяжеленным. Но Судоплатов с помощью Медведева и такой-то матери установил зенитку.

– Давай проедемся, – предложил он, – покажу тебе летное поле. Кто у нас зенитчик?

– Я! – откликнулся самбист Сапаров.

– Садись. Посмотришь, куда выкатывать пушку – с высоты не очень-то постреляешь. Деревья мешают.

– Ага!

«Покататься» напросились еще трое – Шатов, Мазуров и Муха. Они привели железобетонный довод: нельзя же отпускать в лес командира без охраны. Спустившись и объехав болото, грузовик выкатился на просторный луг.

– Надо будет тут походить, – сказал Павел, – все бугры и кочки срезать, а ямы заровнять.

– Самолет! – сказал Шатов.

– Самолет тут сядет спокойно...

– Да нет! Вон там самолет! Не наш!

Судоплатов глянул в небо. Вверху медленно кружил двухбалочный «Фокке-Вульф-189», тот самый, который наши бойцы прозвуют «рамой». «Рама» могла парить выше семи тысяч метров, но эта вила круги в километре над землей, да как бы не ниже.

– Сапаров! – резко приказал Павел. – Сбить гада!

Зенитчик растерялся.

– А как же...

– Выполнять приказ!

– Есть!

«Фокке-Вульф» закладывал вираж, пока Сапаров лихорадочно крутил штурвальчики, наводя орудие. Шатов запрыгнул в кузов, чтобы помочь. Резкое грохотанье и звон падающих гильз озвучили очередь из шести снарядов. Наверное, с перепугу Сапаров попал с первого раза, и очень удачно – задымил правый двигатель «рамы», полетели осколки стекол кабины, даже переломилась одна из балок. Самолет стал терять высоту, за ним потянулся серый шлейф бензина. Зенитчик добавил пару снарядов, но горючее так и не загорелось.

– Сбил! – заорал Шатов. – Леня, ты его сбил! Ура-а!

В ту же минуту от падающего самолета отделилась черная фигурка, тут же распутившая белый парашют.

– Володя, газу! Шатов и Муха – берете парашютиста, а мы к самолету!

– Есть!

– Да куда вы! В кузов давайте, подбросим чуток, нам по дороге!

Взрыкивая мотором, «ГАЗ-ААА» кинулся вдогонку за самолетом. Силуэт «рамы» мелькал за кронами деревьев, потом показался пилот под куполом парашюта.

– Шатов, Муха!

Оба спрыгнули и почесали лесом. Шофер не стал дожидаться приказа, погнал машину вперед. Долго ехать не пришлось – «рама», пропахав землю на большой поляне, затормозила, врезавшись в деревья. Одно крыло дыбом, другое вовсе отвалилось, кабина вдребезги.

– Сапаров, попробуй снять пулемет, – сказал Судоплатов, покидая кабину, – а мы фотокамеру поищем.

Искать долго не пришлось – аэрофотоаппарат «Райхенбильдкамер» находился в специальном гнезде, откуда его Павел и вынул со всеми предосторожностями – нельзя было засветить пленку.

– Сапаров, что там?

– Тут... этот... стрелок, – ответил зенитчик изменившимся голосом. – Я его... убил.

Судоплатов подошел и положил руку на плечо.

– Эта «рама», Леня, – сказал он негромко, – снимала наши аэродромы, мосты, узлы на железных дорогах. Скоро начнется война, и любой боец, увидав в небе этот самолет, будет точно знать – скоро пожалуют бомбардировщики. Он фотографирует не на память, Леня. «Рама» снимает цели, чтобы потом налетели бомбовозы и штурмовики. Это наводчик. И ты никого не убивал, Леня, ты уничтожил врага – и спас кому-то из наших жизнь. Ведь этот немец больше не будет стрелять.

– Да я понимаю... – вздохнул зенитчик.

– Пойдем.

– Сейчас я, тут еще патронов куча...

Нагруженный трофеями, грузовик развернулся и двинул обратно. На дорогу, вернее, на пространство, не занятое большими деревьями, по которому и проезжал «газон», выскочил Муха.

– Поймали! – радостно доложил он. – Чего с ним делать?

– Расстрелять, – спокойно сказал Судоплатов.

Глядя на вытянувшееся лицо Данилы, он холодно добавил:

– Мне этим заняться?

– Нет-нет! – заторопился Муха. – Мы сами!

Он скрылся в кустах, а пару минут спустя сухо ударил выстрел. Вскоре оба бойца вернулись.

– Его нельзя было оставлять в живых, – объяснил Павел, – он мог навести на базу немцев, а эти нам тут не нужны.

– Да я ничего... – промямлил Данила. – Просто... пленный же.

Павел усмехнулся.

– Там, – указал он на запад, – Польша. Еще дальше – Германия. Фашисты на своих и на захваченных землях строят не только аэродромы и доты, но и концлагеря. Лагерь и у нас хватает, вот только есть большая разница... Например, в Польше стоит такой концлагерь – Аушвиц, он же Освенцим. Там в бараках десятки тысяч заключенных мрут от голода и болезней, от тяжелой рабской работы, от избиений и пыток. Людей, к примеру, по четыре человека помещают на всю ночь в «стоячую камеру», размерами девяносто сантиметров на девяносто. Либо сажают их в герметичные карцеры, где люди умирают от удушья. Но мучают не всех. Если привезенные к работе непригодны, их отправляют в газовые камеры – загоняют сразу сотни детей, стариков, женщин, больных и пускают отравляющий газ. Трупы сжигают в крематориях – по пять тысяч в сутки. Очень не везет карликам, беременным и близнецам – на них ставят медицинские опыты. Например, удаляют какой-нибудь орган из организма и следят за тем, как человек погибает. Или испытывают на людях ядохимикаты. Или вскрывают живых младенцев, или впрыскивают детям в глаза всякую гадость, чтобы изменять цвет, или просто выкачивают из малышей кровь, чтобы делать переливания доблестным солдатам Вермахта, – поглядев на изрядно побледневших бойцов, Судоплатов усмехнулся: – Я перечислил лишь некоторые из мерзостей, которые творят фашисты в своих «лагерях смерти». Это нелюди, понимаете?

– Понимаем, – хрипло ответил Муха. – Но неужели немецкий пролетариат не знает об этом?

Павел грустно улыбнулся.

– Данила, а кто, по-твоему, охраняет узников? Кто пытается их и расстреливает? Кто очень скоро перейдет границу СССР, чтобы убивать всех подряд, насиловать и жечь? Такие же, как ты, Данила, рабочие и крестьяне. Немецкие помещики и банкиры в армии не служат. Поймите, парни, это немецкие пролетарии будут воевать с нами! Не все из них фашисты, но очень многие надеются после войны получить поместье где-нибудь на захваченной Украине, и чтобы мы стали их рабами. Я не агитатор и никогда им не был. То, что я вам сейчас рассказываю, знает каждый солдат и офицер немецкой армии. Понимаете? У них цель такая – уничтожить десятки миллионов славян, цыган, евреев, которых они считают неполноценными. Есть, конечно, и среди немцев честные люди – они, например, спасают евреев. Люди все разные. Но! Когда они пересекут нашу границу, то все станут нашими врагами. Все! И выбор у нас с вами будет прост: убей или умри!

Судоплатов оглядел притихших бойцов и грустно улыбнулся.

– Очень скоро вы сами во всем убедитесь. Уже не на словах, а на деле столкнувшись с гнусностью фашизма. Пройдете через спаленные деревни, жителей которых сгоняли в сараи и сжигали заживо. Будете спасать молодых девчонок и пацанов, которых угоняют в рабство. Насмотритесь еще...

Володя, сидевший на подножке, покачал головой.

– А мы вам и так верим, товарищ майор, – серьезно сказал он.

– Поехали тогда, а то нам с Наумом в Москву скоро...

Леонид, забравшийся в кузов, громко сказал:

– Выходит, мы первые из всего отряда уничтожили врага!

– Раздавили гадину, – сказал Володя с ожесточением, переключая передачу. – И правильно сделали! Куда теперь, товарищ майор?

– Прямо. Есть тут одно интересное местечко...

«Интересное местечко» обнаружилось в часе неторопливой езды. Это была тупиковая ветвь железной дороги, с разъездом, все, как полагается. Грузовая платформа, выходившая к путям, была сколочена из бревен, да и полуразваленные дощатые склады неподалеку явно выдавали погрузочный лесопункт. Видимо, лет десять назад отсюда вывозили лес, потом бросили это дело, а дорога осталась. Рельсы, правда, заржавели, и много шпал сгнило, трава поднялась высокая, скрывая пути, но это как раз и требовалось Судоплатову.

– Ответвление тут не слишком длинное, – сказал он, – и ваша задача, бойцы, подготовить к разборке самый его конец, там, где ветка выходит к «большой» дороге. Мы сможем сюда загонять целый состав, выставим как бы тупичок, и ни один фашист не догадается, что в лес уходят пути.

– Сделаем, товарищ майор, – солидно сказал Медведев.

Из плана Генштаба Красной Армии о стратегическом развертывании вооруженных сил Советского Союза на западе и востоке:

«В связи с проводимыми в Красной Армии в 1941 г. крупными организационными мероприятиями, докладываю на Ваше рассмотрение уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и на востоке.

I. Наши вероятные противники

Сложившаяся политическая обстановка в Европе заставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ. Возможное вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность атаки и со стороны Японии наших дальневосточных границ. Вооруженное нападение Германии на СССР может вовлечь в военный конфликт с нами Финляндию, Румынию, Венгрию и других союзников Германии.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе – против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке – против Японии как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение.

....

Всего оставляется на северных, южных и восточных границах СССР: 40 стрелковых дивизий (из них 6 моторизованных); 7 танковых дивизий; 9 кавалерийских дивизий; 1 мотобронебригада; 80 полков авиации (из них 11 – на ПВО Москвы).

Для ведения операции на западе и на Финском фронте назначаются:

На западе: 158 стрелковых и 27 мотострелковых дивизий, 53 танковых дивизии.

На Финском фронте: 13 стрелковых дивизий и 1 танковая».

Глава 8

Охота на ягуара

Шли дни, и каждые сутки были до предела наполнены делом. Судоплатов спал мало, и Науму с Эммой пришлось однажды настоять, чтобы он выспался по-человечески. Павел послушался, продрых двенадцать часов подряд – и снова окунулся в круговорот дел. Он ясно понимал, что за всем не поспеть, что устранить все недоделки к 22 июня – смешная наивность. Как за месяц поднять культуру производства на оборонных заводах? Как поменять тупых генералов мирного времени на реальных полководцев?

«В прошлой жизни» жестокая практика войны выдвигала наверх новых боевых командиров, так будет и теперь. Хотя карьерному росту одного из них помог начальник Особой группы – заменить Павлова, «павшего от рук врагов советской власти», как писала «Комсомолка», решили генерал-лейтенантом Еременко, командующим 1-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке. Судоплатов сразу успокоился – не зря он рисковал тогда, в Минске. Андрей Иванович Еременко носился по всему округу и материл красных командиров.

Вдохновившись, Наум встретился с ним накоротке, поделился планами Особой группы, и Андрей Иванович сам загорелся идеями Судоплатова и дружной компании. Еременко своим приказом запретил любые свободные шатания военнослужащих – теперь покинуть часть можно было только по пропускам. Одного этого хватило, чтобы создать большие проблемы тому же «Бранденбургу-800», привыкшему разгуливать повсюду в советской форме.

К 15 июня энкаведэшники и погранцы переловили человек полтора – агентов Абвера и диверсантов. Резко усилилась охрана мостов, железнодорожных узлов, линий связи, а потом, на свой страх и риск, Еременко позволил «порезвиться» за границей, используя принужденный к посадке на наш аэродром немецкий самолет-разведчик. Советские пилоты живо с «Фокке-Вульфом» освоились и слетали за границу, на территорию Рейха...

Своих немцы не сбивали, а когда по радио стали слышны настойчивые и неприятные вопросы, трофейный самолет вернулся в пределы СССР, «нафотавшись» всласть. А фотки вышли таки-и-ие... На снимках было отлично видно, как в деревнях, на хуторах, в рощах стоят плохо замаскированные или вовсе не замаскированные танки, бронемашины, самоходки, грузовики, как по дорогам шныряют мотоциклы и штабные авто. А на берегу приграничной реки штабелями были уложены все части и детали понтонного моста. Даже сами понтоны установлены на катки, и до самой воды уложены деревянные следи.

За «провокационную» инициативу генерал-лейтенанту сначала «прилетело», его чуть было не записали в «предатели и провокаторы», но затем, когда верховное главнокомандование увидало фотографии, инициативу оценили положительно (наломали вздрагивающими пальцами папиросы «Герцеговина-Флор», накрошили табак в трубку, раскурили и оценили).

Судоплатова радовали подобные подвижки, но он и страдал больше других, зная наперед, какой разгром учинят гитлеровцы, и сколько миллионов красноармейцев и их командиров окажется в плену. Но что он мог в масштабе страны? Да «подселись» он хоть в Сталина, все равно невозможно исправить за четыре недели то, что требовало десяти лет кропотливого труда! Вождь понимал, что 20-е и 30-е годы – всего лишь небольшой промежуток между войнами, когда нужно было все силы бросить на индустриализацию, поскольку без тяжелой промышленности не выстоять против тех же немцев или англичан. Да, много красных командиров, вплоть до маршалов, было расстреляно в 37-м, но стоит ли преувеличивать полководческие таланты того же Тухачевского?

«Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару, – вещала «Правда» в 1920-м. – На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!»

А прославленный командарм в это время бессовестно множил потери в живой силе, растягивал фронт и оголял фланги, чего не мог себе позволить даже поручик царской армии. В результате под Варшавой погибло 25 тысяч красноармейцев, 60 тысяч попали в польский плен, а еще 40 тысяч были интернированы немцами. И это стратег?

Да и другие «красные маршалы» были не лучше – бывшие прапорщики, поручики, а то и вовсе унтера Российской Императорской армии, что они знали и умели, кроме как переть, атакуя в лоб, чем «прославились» и в Гражданскую, и в финскую?

Ошибок ох как много, и его долг, как начальника Особой группы, не бегать по наркоматам с «рационализаторскими предложениями» или добиваться встречи со Сталиным, чтобы поведать вождю о будущих событиях. Действовать надо и смелее, и тоньше.

Скажем, такая простая, простейшая вещь, как разгрузочный жилет, попросту – разгрузка. Ничего ведь особенного – этакая безрукавка из парусины с кармашками и креплениями, такие свободно продавались в оружейных магазинах Российской империи для охотников и рыболовов. До чего же полезная в военно-полевой жизни вещь: и для оружия место на разгрузке найдется, и для запасных магазинов, для аптечки, фляги, гранат, медпакета. Не таскать все это хозяйство на поясе, как сейчас, а разместить с удобством. К тому же разгрузка справится с ролью какого-никакого, а бронежилета. Но первые подобию армейских разгрузок пошли только к середине войны то ли итальянские десантники, то ли английские командос. А наши чем хуже?

И Судоплатов заказал несколько тысяч разгрузок («по мотивам» советского «армейского лифчика» времен Афгана) для бойцов ОМСБОН. Этим занялся сам Тимашков из спецгруппы по подготовке диверсионных приборов.

Нововведения Павел не скрывал, и многие командиры РККА заинтересовались такой «рацухой». Что и требовалось доказать.

А еще в отделе оперативной техники шили маскхалаты «Леший» или «Кикимора». Замечательная же штука! Для диверсантов – первейшее дело. Если же этот почин подхватят хотя бы в армейской разведке, будет вообще здорово.

Судоплатов твердо решил переодеть всех своих бойцов в пятнистый камуфляж. «Пятно» применялось и немцами, и англичанами, а в РККА приживалось плохо. Значит, надо внедрять в ОМСБОН – тут он властен.

Тренируя бойцов опергрупп, Павел щедро делился опытом будущих поколений – применением камуфляжной краски для лица, к примеру, или установкой тех же растяжек.

А в оружейных мастерских уже всю мараквали над «монками» – минами направленного действия, появившимися во время войны во Вьетнаме. Что-то типа «МОН-50» разведчикам-диверсантам пригодится...

А вот гранатометы пока не давались конструкторам. Правда, у немцев тоже не получался их «Фаустпатрон», да и американская «базука» еще ни разу не выстрелила...

А светозумовые гранаты? Это же прелесть! Ослепительная вспышка, особенно в ночи, отнимет у врага зрение до самого утра, а оглушительный грохот подавляет настолько, что противник застывает в шоке, совершенно беспомощный – подходи и вяжи. Вяжи и складывай. Если же еще и резиновую картечь добавить... Получится весьма «убедительное» спецсредство.

Еще одно «рацпредложение» Судоплатов мог поставить себе в заслугу, подав через Берию идею привлечь оружейника Дегтярева и его «подмастерья» Симонова для создания противотанковых ружей. Нарком дал подсказку, как бы от себя лично, Сталину «рацуха» понравилась – он вызвал обоих конструкторов и выдал им задание. И месяц сроку. К 15 июня вождь принял решение о принятии на вооружение обоих образцов – ПТРД и ПТРС. Теперь, судя

по всему, противотанковые ружья поступят в войска уже в августе – «в прошлой жизни» это произошло лишь в сентябре. Целый месяц в выигрыше!

...А кадры для ОМСБОН все ковались и ковались. На центральном стадионе «Динамо» в Москве собирались добровольцы – преподаватели и слушатели Высших школ НКВД и погранвойск, работники Наркомата внутренних дел, студенты московских вузов, пожарные, а также футболисты, гребцы, конькобежцы и прочие герои спорта. Их тренировали и натаскивали от зари до зари – футбольное поле стадиона и спортплощадки становились «местами боев». В ход шло все: штык, приклад, лопата, нож, пистолет, приемы самбо, бокса...

...16 июня у Судоплатова был маленький праздник – Меркулов и Фитин, вернувшись из Кремля, сияли. Фитин «по секрету» поведал Павлу, что доклад Меркулова был Хозяином принят, хоть и с ворчанием. Такая, казалось бы, малость, но Судоплатов прекрасно помнил, как «в прошлый раз» нарком с замом явились весьма встревоженными – тогда Сталин счел доклад Меркулова противоречивым и приказал подготовить более убедительное заключение о начале войны с Германией. Неужели столь малое вмешательство из 1996 года так повлияло на вождя? Ну, не надо скромничать – работенку он проделал немалую, да и Еременко помог.

Генерал-лейтенант с простодушием деревенского хитрована легко добыл весомые доказательства подготовки к войне. Когда его обвиняли в провокациях, командующий Западным округом, бывало, срывался и сам начинал орать – ему, дескать, надо знать расположение аэродромов противника, чтобы их разбомбить к такой-то матери. Почему это немцам можно безнаказанно летать над советской территорией, а нам нельзя нанести «ответный визит»? А когда на столе у Сталина лежит целая груда снимков, фотокопий, записей переговоров Шуленбурга и прочих «вещдоков», причем каждый из них – явная улика... Против фактов не попрешь.

Судоплатов, в общем-то, даже сочувствовал Иосифу Виссарионовичу. Сталин, на пару с Молотовым, отчаянно хотел оттянуть начало войны до 1942-го, ибо времени на перевооружение армии катастрофически не хватало. И свои «хотелки» вождь подкреплял конкретными деяниями. Вон весной затеял переворот в Югославии. Уже через неделю после свержения прогерманского правительства в Белграде СССР заключил с новыми властями пакт о взаимопомощи.

Советское руководство надеялось укрепить свои позиции на Балканах, уверяя себя, что югославы задержат немцев и итальянцев и оттянут начало неизбежной войны. Однако Гитлеру удалось разбить югославскую армию всего за две недели! Сами того не ведая, Сталин с Молотовым приостановили тогда, в апреле, стягивание войск к советской границе. Начало войны было перенесено на июнь.

Возможно, что и «в прошлой жизни» Судоплатову стоило убедить вождя в неизбежности столкновения с Германией, но кто же знал? Павел прекрасно помнил, как он один остался в наркомате 20 июня, как просидел там всю ночь. Да, было очень тревожно, он всей кожей ощущал приближение роковой даты, но даже представить себе не мог, насколько ситуация выйдет из-под контроля.

В первый месяц войны Судоплатов ощущал бессильную ярость – Красная Армия оказалась в положении хвастливого второразрядника по боксу, решительно настроенного на избивание хилого соседа-гопника, а против него вдруг вышел чемпион Европы в тяжелом весе. И – нокаут. И били, били хвастунишку долгих два года, пока тот не научился давать сдачи...

...Фитин радовался, Меркулов ходил как именинник, да и у Павла был повод выпить – завтра должно было состояться его награждение. За ликвидацию Троцкого ему вручат орден Красного Знамени, а Эйтингону – орден Ленина. Судоплатов волновался, но вовсе не от близящейся встречи с Калининым. Павел прекрасно помнил, что в прошлый раз Свердловский зал Кремля был полон гостей, и на этой «тусовке», выражаясь будущим новоязом, среди прочих мелькал Хрущев.

О ликвидации Никиты Судоплатов думал весь этот месяц, подаренный ему неизвестными силами, и немного подготовился. Поступать с Хрущевым тем же манером, что и с Серовым, не стоило – убийства могут связать между собой, сыскари начнут копать... В общем, это слишком опасно. Нельзя ему попадаться, слишком много дел впереди.

Но опыт почти что девятидесятилетнего деда, в буквальном смысле начавшего новую жизнь, дорогого стоил. «Рыцарство плаща и кинжала» обладало богатейшей коллекцией орудий убийств, и Павел выбрал одно из экзотических – яд кураре. Свой человек в Бразилии выслал в Москву индейский сосуд из тыквы, полный густого, как смола, калабаш-кураре, самого смертоносного – им обмазывали наконечники копий при охоте на ягуара. Или воюя с соседним племенем.

Судоплатов раздобыл трофейную авторучку, отобранную у кого-то из английских агентов. Перо у нее было острым, режущим и колющим, а заливались в ручку вовсе не чернила, а цианистый калий. Начальник Особой группы заправил ручку ядом кураре...

«Шоу должно продолжаться» – так, кажется, пел солист из «Queen»? В 70-х их музыка часто звучала в Москве, тогда еще столице СССР. Павел мрачно усмехнулся. Продолжим...

На другой день, 17 июня, Эмма нагладила мужу рубашку, наведя стрелки на брюках до лезвийной остроты. Яков Серебрянский, последний из «квартирантов», задержавшийся у Судоплатовых, яростно начищал туфли Павла, нарочито лебезя – дескать, чего только не сделаешь для хорошего хозяина! Лишь бы не выгнал...

...Пройдя несколько постов охраны, Павел прошествовал в круглый Свердловский зал. Человек тридцать-сорок здесь толклось точно. Разумеется, собрались они не на торжество награждения – удел разведчика получать ордена «втихую». Пройдись, потолкавшись, Судоплатов набрел-таки на Хрущева – тот, светясь лысой башкой и сминая мясистый загривок, рассказывал похабный анекдот жизнерадостному Жданову. Видимо, оба прибыли в Москву на совещание. Показался Калинин, и среди собравшихся началось броуновское движение.

Сутолокой тут же воспользовался Павел – достав ручку из кармана, он освободил «оружие возмездия» от колпачка. Энергично пройдя мимо Хрущева и взмахивая руками при ходьбе, то есть совершая самые естественные движения, Судоплатов задел Никиту Сергеевича – перо не больно кольнуло сытое белое тело Первого секретаря Компартии Украины. Павел прошел дальше, не оборачиваясь, и только шум за спиной заставил его остановиться.

Хрущев, хватаясь за горло и хапая воздух ртом, грузно осел на пятую точку, покачался и выстелился на полу. Лицо его посинело от удушья, глаза лезли из орбит... Судоплатов холодно наблюдал за смертью Никиты-троцкиста. Беспощадного борца с «врагами народа», только на Украине арестовавшего сто пятьдесят тысяч партийцев. Одного из виновников убийственных окружений Красной Армии под Киевом и Харьковом. Малограмотного вождя номенклатурщиков, освободившего этот новый правящий класс от засилья НКВД и положившего начало полному вырождению партии большевиков.

– Врача! – кричал Жданов. – Врача!

Медики появились быстро, вот только Хрущев уже сучил ногами – кураре парализовал мышцы легких, не позволяя дышать. Вздогнул, уже уложенный на носилки, и обмяк – сердце не выдержало. Досмотрев смерть врага народа до конца, Судоплатов развернулся и направился к кабинету Калинина – именно там, при закрытых дверях, «всесоюзный староста» и вручит ему орден.

Павел усмехнулся. Будем считать, что за двойное убийство – самого Троцкого и верного его последователя. Все!

Не вынесут тело Сталина из Мавзолея.

Не переименуют Сталинград в Волгоград, а Сталино – в Донецк.

Не передадут Крым Украине.

Не упразднят министерства, создавая дурацкие совнархозы.

Не случится Новочеркасского расстрела.
Не затеют идиотскую кукурузную кампанию.
Не будет Карибского кризиса.
А что будет?

Узнаем во благовремени...

Б. Сыромятников, полковник КГБ в отставке:

«В то, что сегодня произошло с нашей страной, первый камень заложил именно Хрущев.

Не поддаются подсчету ликвидированные по его инициативе партийные, советские и военные работники, их жены, отправленные в застенки, а дети – в специнтернаты.

Вот фрагмент из его выступления на VIII Всесоюзном съезде Советов: «Карающая рука пролетарского закона разгромила эту шайку и при всеобщем одобрении всех трудящихся нашей страны стерла с земли эту нечисть».

В то время Хрущев гордился своим взаимодействием с Ежовым. Вместе, по терминологии Ежова, они наносили удар по кадрам.

Хрущев – инициатор закрытия церквей и репрессий против их служителей, что, кстати, не нашло поддержки даже у Сталина.

1935 год. В Сочи, где отдыхал Сталин, приезжает Хрущев. Он докладывает: «Я распорядился закрыть в Москве и Московской области 79 действующих церквей, а наиболее активных служителей культа мы отдадим под суд».

Сталин: «Вы, Хрущев, анархист! Батя Махно любил бы вас как родного сына. Церковников трогать нельзя, посмотрите, как отличился наш «пролетарский» поэт Демьян Бедный. Кто разрешил ему измываться над Священным Писанием? В срочном порядке надо изъять из обращения его книгу «Библия для верующих и неверующих».

Хрущев, осторожно: «Под следствием в Московском городском суде находится 51 служитель культа».

Сталин: «Немедленно отдайте распоряжение, чтобы всех выпустили».

1937 год, лето. В присутствии других членов Политбюро Хрущев обращается к Сталину: «Я вторично предлагаю узаконить публичную казнь на Красной площади».

Сталин: «А что ты скажешь, если мы попросим тебя занять пост главного палача Союза Советских Социалистических Республик? Будешь как Малюта Скуратов при царе Иване Васильевиче Грозном. Какой у тебя еще вопрос?»

«Вячеслав Михайлович умышленно тормозит развитие промышленности и сельского хозяйства». – «Где конкретные доказательства?» – «Я готовлю на ваше имя развернутую докладную записку». – «Мы поняли вас, товарищ Хрущев, вы готовы сразу схватить два портфеля – палача и председателя Совнаркома? Мы подумаем, какой из этих постов вам отдать!» (Это была уже явная издевка, Сталин не щадил самолюбия Хрущева.)

Сохранилось постановление Военного совета Киевского военного округа: «Состояние кадров командного, начальствующего и политического состава округа» от 25 марта 1938 года, принятого при участии Хрущева.

Вот выдержки из этого документа: «Военный совет поставил центральной задачей выкорчевывание врагов народа и подбор на руководящие должности преданных и растущих командиров.

В итоге беспощадного выкорчевывания троцкистско-бухаринских и националистических элементов на 25 марта 1938 года произведено следующее обновление руководящего состава округа: из девяти командиров корпусов обновлено девять, из 25 командиров дивизий – 24, из 135 командиров полков – 87, из 9 начальников штабов корпусов – 6, из 25 начальников штабов дивизий – 18, из 135 начальников штабов полков – 76, из 24 начальников отделов штаба округа – 19. Всего уволено из частей округа по политико-моральным причинам 2922 человека, из них арестовано 1066».

Таковы масштабы хрущевских репрессий против командного состава. Служил бы Г. К. Жуков в КВО, а не в БВО, отбывать бы ему заключение.

Но и этого было мало, и «Военный совет ставит как главнейшую задачу – до конца выкорчевать остатки враждебных элементов» (подписи Тимошенко и Хрущева).

Хрущев пишет Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 1718 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более двух-трех тысяч. Прошу принять меры. Любящий вас Н. С. Хрущев».

Глава 9

Сигнал «гроза»

За два дня до войны, 20 июня, Берия вызвал Судоплатова и Масленникова, заместителя наркома по войскам, и приказал обоим срочно вылететь в Минск.

Командующий Западным Особым военным округом сам вышел на наркома с вопросом, что еще можно сделать «по линии диверсионной службы для всемерной поддержки Красной Армии».

Лаврентий Павлович был резковат, порой в его голосе прорывались истеричные нотки – нарком был растерян и подавлен.

Сталин, вероятно, еще в первых числах июня отступился от своей позиции – непременно договориться с Гитлером. Очень уж весомы были «улики». Судоплатов сильно рисковал, выдавая «инфу» из будущего – о плане «Барбаросса», о плане «Ост», – ведь никаких подтверждений этим реальным замыслам не было. И он подавал недоказанную правду, как подливку к главному блюду, одновременно напрягая резидентов в Европе.

Те, надо сказать, хорошо поработали: им задали хорошо сформулированные вопросы, и «Лицеист», «Курт», «Юна», «Люци», «Корсиканец», «Тит», «Алмаз», «Кармен», «Эрнст» нашли оч-чень интересные ответы. О том, как Берлин будет переименован в «Германия», и как побежденные в войне «унтерменши» (всякие там русские, киргизы и проч.) будут прогоняться по широким проспектам столицы Рейха. О том, что Аушвиц или Дахау – всего лишь пробные, испытательные площадки, чтобы, наработав опыт, отгрохать воистину гигантские лагеря смерти, в которых «неполноценные» народы станут уничтожаться десятками миллионов, освобождая «жизненное пространство» для немецких колонистов. О том, что на границах СССР скопились силы, вдвое большие, чем те, что ожидали увидеть в советском Генштабе и Наркомате обороны.

Молотов, правда, продолжал отстаивать прежние позиции – медлительность наркома иностранных дел вошла в поговорку. Но к середине июня увял и он.

21-го числа все немецкие суда покинули рижский и ленинградский порты, даже те, что были недогружены. Полночи в германском посольстве и консульствах жгли документы – война приближалась неумолимо, от ее холодного, смердящего дыхания волосы поднимались на затылке. А уполномоченные Верховного главнокомандующего направлялись в армию и на флот, чтобы передать *устные* приказы из Кремля – никаких сверхсекретных бумаг и звонков. Полная тайна.

Николай Кузнецов, и без того державший Рабоче-крестьянский Красный флот в полной боеготовности, получил приказание: 18 июня, ровно в полночь, все подводные лодки должны покинуть базы Балтфлота и занять позиции у Киля, Данцига, Бремена, Мемеля, Пиллау, Кенигсберга. Встать на боевое дежурство и, как только (если вдруг...) начнется война, топить немецкие корабли.

Еременко должен был на 22 июня привести в полную боевую готовность авиацию, танки, артиллерию, а красноармейцам предстояло провести ночь вне казарменных коек. Но лучше не выспаться живым, нежели погибнуть во сне.

Летчикам было велено тайно перебазироваться на новые аэродромы, старую и ломаную технику оставив на старых площадках, чье местоположение давно было известно гитлеровцам. Буквально на ходу, то бишь на лету, летуны привыкали вылетать парами – ведущий плюс ведомый, – а не втроем, как раньше, хотя еще во время войны с белофиннами звучали призывы перейти на звенья-двойки, ибо тройки лишали самолеты маневренности. Тут было в точности как в поговорке – третий лишний.

Тихонечко, по ночам, вывозились запасы с окружных складов – снаряды, патроны, горячее – подальше в тыл. Минировались мосты, их охрана усиливалась.

И, надо сказать, на это Еременко реагировал положительно – профессионал все-таки.

А вот просьбе Судоплатова о завозе свежей воды в Восточный и 5-й форты Брестской крепости командующий удивился. «Лучше будет перестраховаться», – объяснил Павел с виноватой улыбкой. Еременко пожал плечами и отдал приказ. Откуда ему было знать, что защитники Брестской крепости станут мучиться от жажды? О таком не расскажешь.

Удалось лишь вывезти из крепости семьи командиров да отвести танки, что были расположены на самом берегу Западного Буга.

Павел в эти дни чувствовал себя почти победителем – и лично, и подсказкой наркому, через подставных лиц, ценою жизни всего одного командующего округом, удалось-таки убедить Верховного главнокомандующего, чтобы тот оставил надежды отсрочить войну.

Теперь никто не проспит нападение, не выскочит на рассвете в одних подштанниках, чтобы посмотреть, как немцы бомбят аэродромы или танковые части. Ни один комиссар не заверещит: «Паникер! Провокатор!», когда командиры станут по тревоге поднимать бойцов, летчиков, танкистов. Конечно, дуболомов сыщется немало, но с такими разговор должен быть кратчайший – расстрел на месте, по закону военного времени.

Казалось бы, дикость какая – радоваться, что армия будет приведена в полную боевую готовность накануне войны! А как же иначе? А вот так...

Судоплатов прекрасно помнил смутные, позорные, тошнотные дни *того* июня, когда самолеты сгорали на аэродромах потому лишь, что Тимошенко не отдал приказа бить врага.

Это сколько же красноармейцев будет спасено? Хотя, вполне вероятно, они все равно погибнут, зато не в плену, не в печах крематориев, а в бою.

До Минска Судоплатов с Масленниковым добрались на «Дугласе», проговорили с Еременко все вопросы по взаимодействию, а вечером Павлу приспичило слетать на базу «Олимп».

Маленький тархтящий «Р-5» добрался до высоты, когда стемнело. Медведев приказал разжечь костры на посадочном поле, и «Р-5» сел. Поле было тщательно заровнено, но самолет при посадке все равно умудрился сломать стойку левого колеса и чуть было не скапотировал, малость помяв крыло. Судоплатов выбрался, потирая грудь, больно сдавленную привязными ремнями – ни вздохнуть, ни охнуть.

– Живы?! – выдохнул подбежавший Дмитрий.

– Пока да, – философски заметил Павел. – Пилот, ты как?

– Все будет исправлено, товарищ майор, – дрожащим голосом ответил летчик.

– Серьезное что?

– Стойка оторвалась, зараза... Или лопнула – плохо видно. Но я все почию!

Судоплатов присел на корточки, рядом пристроился один из бойцов, упорно занимавшихся в аэроклубе.

– Если что, я помогу, – предложил он.

– Летчик? – обрадовался пилот.

– А то!

– Вы вот что, – решил Павел. – Разберите пока сломанное шасси, или как это у вас называется, а к ремонту завтра приступите, с утра. Не на ощупь же вам работать!

– А костры?

– А светомаскировка? Увидит вас немец с высоты и возьмет на заметку. Все, занимайтесь. Митя, привет! Я вам подарков привез немного – почту и гостинцы.

– О-о-о! – весело заорали разведчики-диверсанты...

Поселили Судоплатова в одной из землянок, где он неплохо выпался. Встал рано – до войны оставались ровно сутки. Красное солнце еще касалось горизонта, а пилот со своим добровольным помощником уже трудился, залечивая «ногу» самолету. Забот у Павла хватало, и

о самолете он вспомнил лишь к обеду. Бледный пилот доложил, что шасси починено, но вот крыло... Может и не выдержать плоскость, особенно при посадке.

Успокоив летуна, Судоплатов стал вызывать Минск, но тот долго не выходил на связь, а когда оба радиста переговорили-таки, в штабе пообещали выслать самолет в течение нескольких часов. Твердо пообещали.

Когда стемнело, Павел понял, что не улететь ему с «Олимпа». Ближе к полуночи выяснилось, что обещанный самолет вылетел-таки и пропал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.